

Судьба Виктора Сержа как переводчика

© 2021 Е.А. Легенькова, Т.С. Тайманова

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_181_223

Victor Serge the Translator

© 2021 Elizaveta A. Legen'kova, Tatiana S. Taimanova

Информация об авторах:

Елизавета Александровна Легенькова, кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого и романских языков, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Россия. E-mail: kaf_roman@gup.ru.

Татьяна Соломоновна Тайманова (1954–2020), доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

Ключевые слова: Виктор Серж, перевод, комментирование, переписка, советская литература, Гладков «Цемент», Коминтерн, франко-российские литературные связи

Аннотация: Виктор Серж (В.Л. Кибальчич) в качестве переводчика внес заметный вклад в русско-французский литературный диалог XX века. В статье подробно воссоздается история его переводческой деятельности, в том числе его работа при Коминтерне, дается детальный анализ стратегий и техник Сержа-переводчика, к которым он прибегал, работая над переводом романа Ф. Гладкова «Цемент». Помимо художественных переводов, рассматривается его опыт работы с мемуарным текстом (перевод на французский книги В.Н. Фингер «Воспоминания революционерки»). Серж предстает также как критик и теоретик литературы со своим оригинальным видением «пролетарской литературы» и творчества писателей-«попутчиков». В Приложении публикуются два письма Сержа В.Н. Фингер из фондов РГАЛИ, приводится перевод на

Information about the authors:

Elizaveta A. Legen'kova, PhD. in Philology, Chair Professor, Department of German and Roman Languages, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Russia. E-mail: kaf_roman@gup.ru.

Tatiana S. Taimanova (1954–2020), Doctor of Philology, Professor, Saint-Petersburg State University.

The previous version of the article: Taymanova T., Legen'kova E. Victor Serge, traducteur. *Travaux de littérature. Les écrivains traducteurs*. Vol. XXXI. Genève: Droz, 2019, pp. 271–282.

Keywords: Victor Serge, translation, commenting, correspondence, Soviet literature, Fyodor Gladkov *Cement*, Comintern, French-Russian literary connections

Abstract: Victor Serge (Victor Lvovich Kibalchich) contributed a lot in the twentieth-century Russian-French literary connections with his translations. The paper reconstructs his activity as a translator, including his work for the Comintern, and gives a minute analysis of the strategies, skills and techniques Serge employed when he was working on the French translation of F. Gladkov's novel *Cement*. Besides his translations of fiction the paper dwells at some length on his experience as a translator of memoirs and biographical literature (Serge rendered into French Vera Finger's *Memoirs of a Revolutionary*). Serge also appears as a literary critic and a theorist of literature who had his own idea of "proletarian literature" and the works of "fellow travelers". The paper is accompanied

русский язык статьи В. Сержа «Совесть писателя (Трагедия советских писателей)» (1946) и фрагмент воспоминаний о В. Серже Ж. Дюамеля. Первый вариант статьи опубли.: Тауманова Т., Legenkova E. Victor Serge, traducteur. *Travaux de littérature. Les écrivains traducteurs*. Vol. XXXI. Genève: Droz, 2019, pp. 271-282.

with a supplement that comprises the publication of Serge's letters to Vera Finger (stored in the Russian State Archive of Literature and Arts), the Russian translation of V. Serge's essay "Conscience of a Writer (Tragedy of the Soviet Writers)" (1946) and Georges Duhamel's reminiscences of Victor Serge.

Принятые сокращения:

- SK – Samios-Kazantzaki E. *La véritable tragédie de Panaït Istrati*. Paris: Lignes; Saint-Germain-la-Blanche-Herbe: IMEC, 2013.
- Кукушкина – Кукушкина Т.А. К истории секции ленинградских переводчиков (1924–1932) // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: материалы проекта. 2011, С. 638–682. <http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=5HtkE57-j-c%3D&tabid=10460>.
- Серж – Серж В. От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера / пер. с франц. Ю.В. Гусевой, В.А. Бабинцева. М.: Практикс; Оренбург: Оренбургская книга, 2001.
- Carnets – Serge V. *Carnets (1936-1947)*, éd. par C. Albertani et C. Ruoux. Marseilles: Agone, 2012.

Переводить – это также значит показывать в пространстве и времени как люди перекликаются и соотносятся друг с другом <...>. Писательство противостоит одиночеству. Наедине со словами, писатель находится во власти порожденного идущими отовсюду голосами и шумами безумного гула и беспорядочно толпящихся образов.
Ф. Масперо¹

Между писательством и переводом: переводить ради возможности писать

Постепенно благодаря усилиям исследователей и переводчиков многогранная и яркая фигура Виктора Сержа выступает из тени забвения. На Западе, а с недавних пор и в России, известно его поэтическое и романное творчество². По мере своего разочарования в большевистском эксперименте, Серж начинает ощущать необходимость оставить свидетельство о своем времени и поколении.

¹ Maspero F. *Les abeilles et la guêpe*. Paris: Seuil, 2002, pp. 300–301. Ф. Масперо (1932–2015) – издатель, переводчик и писатель. Издательство "Maspéro" в послевоенные годы публиковало отдельные забытые во Франции тексты В.Сержа.

² Публикация переводов произведений В.Сержа в России началась в 1990-е. Его мемуары и ряд романов были переведены В.А. Бабинцевым и Ю.А. Гусевой, а стихи К. Медведевым.

Однажды он осознал, что «некоторый свет на историю может быть брошен лишь путем свободного и беспристрастного литературного творчества, когда автор избавлен от заботы выгодно продать плод своего труда». С тех пор он стал рассматривать литературный труд «как средство донести до людей то, чем живет большинство, не имеющее возможности высказаться, средство сопричастности, свидетельство о жизни, проживаемой всеми нами, сущность которой мы должны постараться сохранить для тех, кто придет после нас», и видел в этом свою близость к «традициям русской литературы» (Серж: 317–318; Carnets). Его внушительное творческое наследие сегодня еще мало изучено³, а переводческая деятельность и вовсе не привлекала внимания исследователей.

В жизни В. Сержа переводческая деятельность занимала подчиненное место и зависела от жизненных обстоятельств, вынуждавших его обращаться к этому не самому легкому способу заработка. В Париже в начале XX в. Виктор Кибальчич, молодой билингв русского происхождения, родившийся в Брюсселе, переводил «русские романы и поэмы – Арцыбашева, Бальмонта, Мережковского... – для одного щедрого русского публикатора, который подписывал переводы своим именем»⁴. Став с тех пор Виктором Сержем, он всегда мало заботился об авторстве своих переводов.

Бурная молодость анархиста и борца за социальную справедливость привела В. Сержа в большевистскую Россию, где его билингвизм стали использовать пропагандистские службы III Интернационала. Начиная с весны 1920 г. он переводит различные тексты большевистских лидеров: письма и статьи Ленина, речи вождя на заседаниях Исполкома Коминтерна⁵, книги Троцкого «Терроризм и коммунизм» (1920) и «Литература и революция» (1923)⁶. Его статьи публикуются во французской левой периодике и вносят немалый вклад

³ Большая часть исследований литературного творчества В. Сержа принадлежит перу американского ученого-марксиста Ричарда Гримана (Richard Greeman). Преимущественно Сержу-политическому публицисту, но также и прозаику, посвящены материалы коллективного сборника «Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма» (М.: Праксис, 2003); см. новейшую публикацию из наследия В. Сержа: Гусев А., Волохова Ю. На пути к «лагерной вселенной». «Доклад о наказании в СССР лиц, виновных в инакомышлении» Виктора Сержа // Новое литературное обозрение. 2020. № 2 (162). С. 248–268.

⁴ (Серж: 36). По мнению Жана Риера (Jean Rière), речь идет о следующих переводах: Artzybachev M. *Le vieux procureur raconta*. Paris: Édouard Mignot, 1911. – 20 p.; Artzybachev M. *Sanine*. Paris: Grasset, 1911. – 484 p.; Artzybachev M. *À l'extrême limite*. Paris: Grasset, 1913. – 344 p. Все эти переводы вышли за подписью публициста и издателя Жана Поволоцкого. См. примеч. Ж. Риера: Serge V. *Memoires d'un révolutionnaire. 1905–1945. Deuxième version, revue et corrigée par l'auteur*, éd. par J. Rièr. Montréal, Canada: Lux Éditeur, 2017, pp.495–496.

⁵ Ibid., pp. 126, 168.

⁶ Serge V. *Memoires d'un révolutionnaire*, p.134. Ж. Риер считает, что «невозможно составить точный список его переводов, так как те, которые выходили в периодических изданиях были анонимными. Всевозможные послания, речи, прокламации Ленина, Зиновьева, Троцкого перевести Сержем, который не стремился это констатировать» (Ibid., p. 544).

в обмен мнениями между русскими и французскими интеллектуалами. В СССР он принимает французских писателей, приезжающих для знакомства с новой Россией (Ж. Дюамель, Л. Дюртен, П. Истрати). Вырвавшись в 1936 г. из СССР на Запад, он встречается с А. Жидом, чтобы рассказать ему о сталинизме. Таким образом, Серж был одним из культурных посредников, представлявших во Франции благодаря своим статьям и переводам реалии советской литературы и судьбу ее авторов.

Период с конца 1920-х гг. и до ссылки Сержа в Оренбург (1933) – наиболее напряженный и неопределенный в его жизни в СССР. Примкнув к троцкистской оппозиции в 1925 г., Серж подвергается преследованиям и слежке, а его существование превращается в череду несчастий (внезапная болезнь, которая приводит его к писательству, преследования его семьи в связи с делом Русакова⁷, тяжелое психическое расстройство жены, исключение в январе 1928 г. из партии, ожесточенная борьба за выживание, два последовавших друг за другом ареста⁸, ссылка...) В конце 1929 г. Серж принимает окончательное решение эмигрировать с семьей в Европу⁹, но осуществилось оно далеко не сразу¹⁰.

«Решение в это время [1927–1928], перед лицом растущей реакции, посвятить себя истории и литературе, написанию романов и работать в защиту зреющих идей, – помечает он в записных книжках. – Долг свидетеля, я считал, что интеллектуальная деятельность остается единственно возможной. Упадок Коминтерна устрасал размерами напрасно затраченного труда»¹¹. В это время он крайне много пишет¹² и именно тогда обращается к романному творчеству, не отказываясь при этом от перевода. Он пишет П. Истрати: «Уезжаю в Москву за “барщиной”, как говорил один хороший поэт, который знал, что это такое,

⁷ О «деле Русакова» см. в третьем Приложении к данной публикации.

⁸ Первый арест датируется 23 апреля 1928 г. (Серж содержался 36 дней в Ленинграде в тюрьме на ул. Шпалерной, затем был освобожден), второй – 8 марта 1933 г.: тогда Сержа приговорили в административном порядке к трем годам ссылки в Оренбург.

⁹ В. Серж – П. Истрати. 11.12.1929. Опубл. в: (SK: 296–297). Здесь и далее письма В. Сержа к П. Истрати цитируются по этому изд.

¹⁰ Письмо с просьбой разрешить покинуть СССР было отправлено Сержем в ЦИК СССР 16 октября 1932 г., отказ от 31 декабря 1932 г. был получен 16 января 1933 г. Серж пишет М. Мартине: «Я только что получил официальный ответ [...] немотивированный отказ» (V. Serge à M. Martinet. 10 octobre 1939, Léningrad. Fonds Marcel Martinet, no 35, BNF).

¹¹ Serge V. Cinquante et un ans – Bilan d'un effort de pensée claire (Janvier 1942). In: (Carnets: 152).

¹² Между 1928–1933 гг. Серж написал: *Les Hommes dans la prison*. Paris: Rieder, 1930; *Naissance de notre force*. Paris: Rieder, 1931; *Ville conquise*. Paris: Rieder, 1932; *Mer blanche*. *Revue des Vivants*, no 8, 9–10, août–septembre 1932 и перевел романы Ф. Гладкова, М. Шагинян и М. Шолохова (Gladkov F. *Le ciment*, Paris: Éditions Sociales internationales, 1928 – 364 p.; Chaguinian M. *Hydrocentrale*. Paris: Éditions Sociales internationales, 1933 (coll. "Horizons". 1933. – 460 p.; Cholokhov M. *Terres défrichées*. Paris: Editions sociales internationales, 1933. – 464 p.).

судьба виктора сержа как переводчика

и за деньгами»¹³. Переводческая «барщина» необходима ему, чтобы обеспечить собственное литературное творчество, и он постоянно находится в поиске работы ради куска хлеба. Но даже подчиняясь обстоятельствам, Серж признается: «Я не стану предлагать переводы Ридеру [парижское издательство Rieder], а посвящу себя написанию собственных произведений; скоро я закончу начатую книгу и приступлю к историческому труду, способному заинтересовать широкую публику»¹⁴. Желание писать возобладало над необходимостью переводить, как засвидетельствовал он сам во фрагменте «О литературном творчестве»: «Сперва удержать, зафиксировать, понять, интерпретировать, воссоздать жизнь; высвободить и вывести наружу бродящие внутри смутные силы, благодаря которым человек погружается в коллективное подсознание. В самом произведении это выражается как Свидетельство и Послание» (Carnets: 486). К писательству Сержа побуждает понимание существования как памяти, осознание быстротечности и неуловимости единственной у человека жизни, «которая заключает в себе множество возможных судеб <...> иных человеческих существований, и землю, других существ, Все. Писательство становится поиском множественности личности, способом прожить различные судьбы, проникнуть в другого, разделить его взгляды.<...> В писательстве заключены и страдание, и облегчение»¹⁵.

Но на его руках жена и маленький ребенок, и неизменной заботой Сержа остается «работа ради куска хлеба»; помимо переводов он читает лекции о французской литературе и искусстве¹⁶. В его письмах ощущается тоска, одиночество и напряжение борьбы с нищетой: «Никогда я не был так одинок. Обычно я работаю как зверь два дня ради куска хлеба и третий – для себя»¹⁷. В другом письме он возвращается к этой теме: «Я работаю, как человек, подталкиваемый чувством голода и желанием творить (творить – это тоже сражаться). После первого рабочего дня – ради куска хлеба начинается второй. И только потом с тяжелой головой я выхожу из дома и меряю шагами Невский проспект...»¹⁸

Труд писателя и переводчика требуют виртуозного обращения с языком, на котором он пишет. Вынужденный говорить преимущественно по-русски, Серж жалеет, что забывает французский: «Я пишу, и это меня немного утешает, но невероятно трудно писать в такой изоляции на языке, которого в общем никогда не слышишь вокруг»¹⁹. А в другом письме он жалуется: «Ужасно писать

¹³ В.Серж – П. Истрати. 31.08.1931 (SK: 332).

¹⁴ В.Серж – П. Истрати. 18.01.1930 (SK: 301).

¹⁵ Ibid., p. 487.

¹⁶ Ср.: Pascal P. *Journal de Russie. 1928-1929*, ed. par J. Catteau, S. Coeuré et J. Bouvard. Lausanne: Les éditions Noir sur Blanc. 2014, pp. 215, 403, 728.

¹⁷ В.Серж – П. Истрати. 26.11.1929 (SK: 288).

¹⁸ В.Серж – П. Истрати. 14.02. 1930 (SK: 306).

¹⁹ В.Серж – П. Истрати. 19.11.1929 (SK: 286).

в такой изоляции, наедине с самим собой, как в тюремной камере, на языке, которого не слышишь»²⁰. Серж владел русским языком так же хорошо, как и французским. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать его переписку с носителями русского языка²¹. Но свои произведения он писал по-французски и переводил только на французский – в отличие, например, от В. Набокова, известного своими автопереводами на русский. Так, Серж поручил перевод своего первого романа А.Н. Горлину, одному из лучших переводчиков Ленинграда²². Однако при жизни Сержа ни одно из его литературных произведений не вышло на русском языке²³. Публикация перевода Горлина, уже прошедшего корректуру и верстку и отпечатанного в типографии, была запрещена старым знакомым Сержа, Ильей Ионовым, директором Ленгиза²⁴. Ионов так объяснил Сержу свое решение: «Вы можете создавать по шедевру в год, но пока вы не примкнете к линии партии, ни одна ваша строчка не увидит света!» (Серж: 319).

Переписка Сержа отражает это состояние изгоя: «Мы живем в атмосфере ненависти, доноительства и бытового преследования, погрома. У меня ощущение, что мы попали в западню»²⁵. Преследования длятся годами: «... действительно, мне дали понять, что я могу подвергнуться полному бойкоту, который лишит меня средств пропитания. Этого сейчас я больше всего боюсь <...> Я ответил, что если меня лишат возможности зарабатывать на жизнь, я потребую, чтобы мне дали эту возможность в другом месте. Если все так и обернется, я распродам мой ленинградский скарб, две трети книг и поеду

²⁰ В.Серж – П. Истрати. 11.12.1929 (SK: 296).

²¹ Письма Сержа к советским властям, связанные с делом Русакова, хранятся в фонде Пьера Паскаля во Франции (Fond P. Pascal, BDIC); письмо к В.Н. Фигнер хранится в РГАЛИ (Фонд В.Н. Фигнер).

²² Русский перевод, выполненный А.Н. Горлиным, носит название «1825 дней. Повести о тюрьме» и должен был выйти в издательстве «Земля и фабрика» в 1930 г. А.Н. Горлин (1878–1938; умер в заключении) – издатель, редактор, переводчик, доктор естествознания в Льежском университете. В 1918–1921 гг. был редактором коминтерновского журнала «Коммунистический Интернационал», затем работал в Госиздате и в издательстве «Academia». Перевел, в частности, «Лилиюли» Р. Роллана (1922). О. Мандельштам дает высокую оценку Горлину: «...моя переводческая деятельность сохраняла черты литературы на протяжении ряда лет исключительно благодаря высокой культурности А.Н. Горлина, крупнейшего специалиста по переводческому делу в нашей стране, сумевшего поднять переводческий отдел Ленинград-Гиза на должную высоту...» (О. Манельштам – И.И. Ионову. 1929, рубеж января – февраля // *Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4 «Письма». М.: Арт-бизнес центр, 1999. С. 106).

²³ Серж пишет: «Кооперативное издательство ленинградских писателей, собиравшееся подписать со мной договор, столкнулось с категорическим вето отдела культуры райкома» (Серж: 320).

²⁴ И.И. Ионов (Бернштейн; 1887–1942; умер в ГУЛАГе) – издатель, поэт. Первый председатель правления издательства Петросовета, возглавлял ленинградское отделение Госиздата (1924), Ленгиз (1925–1926), издательство «Земля и фабрика» (1928–1929), работал в издательстве «Academia» (1931–1932); с 1932 г. – председатель акционерного общества «Международная книга».

²⁵ В. Серж – П. Паскалю. 21.04.1929. Опул. в.: Pascal P. *Journal de Russie. 1928-1929*, p. 518.

судьба виктора сержа как переводчика

прозывать в Москву, твердо сражаясь за единственное решение. Я задействую также все мои связи, чтобы найти возможности литературного труда за границей. Итак, я на опасном повороте»²⁶. Его последующие письма показывают, что эти опасения подтвердились²⁷.

Виктор Серж – переводчик при III Интернационале и член ленинградского Союза писателей

В 1926 при Коминтерне в Москве создается издательская служба, которую возглавляет Михаил Кребс (1895–1937). Также он отвечает за связи с коммунистическими издательствами в капиталистических странах. Во Франции таким издательством было “Éditions Sociales internationales” (ESI, осн. в 1927)²⁸. Его издательская политика была нацелена на публикацию основополагающих текстов вождей коммунизма и пропаганду советской литературы. В рамках этого проекта Серж переводил отдельные тома для французского полного собрания сочинений В.И. Ленина²⁹, первый советский учебник политэкономии³⁰, романы Ф. Гладкова, М. Шагинян и М. Шолохова³¹. П. Паскаль, который тоже работал над переводами Ленина, свидетельствует о гнетущей атмосфере, царившей в ведомстве Кребса, господстве идеологических и пропагандистских принципов, драконовских сроках и смехотворных гонорарах³². Такая издательская практика была распространена повсеместно. Обращаясь к И.И. Ионову, в ту пору директору государственно-кооперативного издательства «Земля и фабрика», О. Мандельштам описывает сложившуюся ситуацию как скандальную: «Перевод заранее и заведомо считается халтурой. Издательства делают все от них зависящее, чтобы снизить качество продукции». Он критикует кустарщину, механическое переиздание произведений, переведенных в конце XIX

²⁶ В.Серж – П. Истрати. 6.11.1929 (СК: 280).

²⁷ В.Серж – П. Истрати. 6.11.1929, 13.11.1929 (СК: 281-283).

²⁸ Bouju M.-C. Les maisons d'édition du PCF, 1920-1956. *Nouvelles Fondations* 7-8, décembre 2007, pp. 260–265. <https://www.cairn.info/revue-nouvelles-fondations-2007-3-page-260.htm>.

²⁹ Ж. Риер пишет, что Серж вместе с П. Паскалем и М. Боди начинают работу над переводом наследия Ленина для Института В.И. Ленина в конце 1925 г. Сержу принадлежат следующие переводы Ленина: *Oeuvres complètes*. Т. 13 “Matérialisme et Empiricriticisme. Notes critiques sur une philosophie réactionnaire”. Paris: Éditions sociales internationales, 1928; *Oeuvres complètes*. Т. IV “La période de l'Iskra (1900–1902)”. Paris: Éditions sociales internationales, 1929; *Oeuvres complètes*. Т. 7 “Les Débuts de la première Révolution russe (1904-1905)”. Paris: Editions sociales internationales, 1928. Переводы выполнялись по: Ленин В.И. Соч.: В 30 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М.-Л.: Гос. изд., 1925-1937. Подготовлено Ин-том Ленина при ЦК ВКП (б).

³⁰ Lapidus I., Ostrovitianov K. *Précis d'économie politique. L'Économie politique et la théorie de l'économie soviétique*, trad. du russe par V. Serge. Paris: Éditions sociales internationales, 1929. – 468 p. Считается, что по этому переводу М.Торез, находясь в тюрьме, изучал политэкономия..

³¹ См. примеч. 13.

³² Pascal P. *Journal de Russie. 1928-1929*, pp. 317, 477, 485, 644-645.

в., поверхностную редактуру («Объявлялись конкурсы на скаковой рекорд по переводу пятнадцатистных книг в десять дней, гонорар цинично задерживался»), кабальные контракты. «Сначала полуголодный, пришибленный переводчик (точнее, деклассированный безработный интеллигент, ни в коем случае не литератор) полуграмотно перевирает подлинник, а потом «редактор» корпит над его стряпней и приводит ее в мало-мальски человеческий вид, уж, конечно, не заглядывая в подлинник, в лучшем случае сообразуясь с грамматикой и здравым смыслом», – описывает он обычную практику³³.

Все это извращало основополагающие принципы, претворявшиеся в издательстве Горького «Всемирная литература»³⁴ и прокламированные руководителями его переводческих работ³⁵. В Петрограде «Всемирная литература» собрала вокруг себя цвет литературной элиты, которая после ликвидации издательства примкнула к Союзу писателей. Живший в Петрограде Серж вступил в секцию переводчиков Союза. Его фамилия (Кибальчич) без указания инициалов стоит под номером 20 в декабрьском списке квалифицированных переводчиков 1929 года³⁶. Принадлежность к интеллигентской среде в качестве члена Союза писателей давала ему возможность наблюдать вблизи за советскими литературными нравами и практиками.

С конца 1920-х гг. во всех сферах интеллектуальной жизни СССР, включая и переводческую деятельность, происходят изменения. Чтобы положить конец дилетантству и сформировать новое поколение переводчиков, требовалось создать теорию перевода, которая примирила бы практики «неверных красавиц»³⁷

³³ О. Манделштам – И. Ионову. 1929, рубеж января- февраля 1929. С. 106, 107, 110.

³⁴ Нацеленность «Всемирной литературы» (1919–1924) на перевод мировой классики не представляла для Сержа большого интереса, опьяненного событиями быстро ускользающей современности. Он вспоминал: «В Петрограде Горький предложил мне работать совместно над изданием «Всемирной литературы», но я встретил там лишь стареющих или озлобленных литераторов, пытавшихся уйти от действительности, перевода Боккаччо, Кнута Гамсуна и Бальзака» (Серж: 95). См. также: Balliu С. Clefs pour une histoire de la traductologie soviétique. *Meta. Journal des traducteurs* 50: 3, août 2005, pp. 934–948. <https://www.erudit.org/fr/revues/meta/2005-v50-n3-meta979/011605ar/resume/>.

³⁵ Брошюра первых теоретиков художественного перевода: Чуковский К., Гумилев Н. Принципы художественного перевода. Пг.: Всемирная литература, 1919. Термин «традуктология» обозначает и университетскую дисциплину, и теорию перевода. Ср.: «Les termes *traductologie* et *théorie de traduction* sont synonymes». (Ladmiral J.-R. *Traduire: Théorèmes pour la traduction*. Paris: Payot, 1979, pp. VII, 162).

³⁶ Среди квалифицированных переводчиков числились: переводчик первого романа Сержа А. Горлин, основатели советской теории перевода К. Чуковский и А. Федоров, такие известные переводчики, как Б. Лившиц, М. Лозинский, Т. Щепкина-Куперник; они были отобраны в секцию, основанную в ходе реорганизации Союза писателей в Федерацию организаций советских писателей (ФОСП, 1929–1932). См.: Приложение X. Список членов секции иностр<анной> литературы (переводчиков, остающихся в ВССП) <конец декабря 1929> в: (Кукушкина).

³⁷ Во французской традиции понятие «неверные красавицы» (*les belles infidèles* – «прекрасные, но неверные» переводы) для обозначения принципа отхода от дословного следования оригиналу

судьба виктора сержа как переводчика

и буквализма³⁸. Эти усилия прилагались в условиях идеологического и административного ужесточения в области литературы («дела» Пильняка и Замятина и др.) и навязывания соцреализма как единственного «метода» литературного творчества. Секция перевода отдавала предпочтение классикам³⁹, в том числе и из-за Главлита, который «уродовал и губил книги»⁴⁰. Серж в своих письмах часто предупреждает французских друзей о существовании цензуры, когда они намереваются прислать ему литературные новинки («Любое чтение по-французски мне полезно. Но, разумеется, избегай того, что не пройдет»⁴¹), и возвращается к теме цензуры в своих воспоминаниях (Серж: 329–330)⁴².

Протоколы заседаний секции переводчиков показывают, что ее члены, в отличие от московских чиновников, прекрасно понимали, что качество художественного перевода достигается не только за счет прикладных лингвистических приемов, используемых в отношении политических, экономических или технических текстов, но требует широкой филологической эрудиции, понимания эстетического аспекта переводимого текста, умения отличать авторский стиль от обычного языка. Одна из резолюций Секции, делая упор на литературной и творческой стороне художественного перевода, планировала объединить переводчиков и писателей в общей институции⁴³. Проводившиеся Секцией заседания касались техники перевода, его роли в межкультурной коммуникации, анализа текстов, переведенных в СССР после 1917 г., проблемы видения

чтобы сделать текст понятным и удобным для чтения на языке-реципиенте, возникло в XVII в. и связано с именем Николая Перро Д'Абланкура, о чьих переводах филолог Жиль Менаж сказал: «Они напоминают мне женщину, которую я очень любил в Туре – прекрасную, но неверную (неверную красавицу)» (Horguelin P.A. *Anthologie de la manière de traduire. Domaine français*. Montréal: Linguat-ech, 1981, p. 76).

³⁸ Как пример приведем статью будущего академика М.П. Алексеева: Проблема художественного перевода: вступ. лекция в Иркутск. гос. ун-те 15 дек. 1927 г. // Сб. работ Иркутского государственного университета. Т. VIII, вып. 1. Иркутск, 1931. С. 157–173. Перевод как учебную дисциплину в СССР стали преподавать в университетах только в 1930-е.

³⁹ Среди французских писателей это были классики: А. Франс, В. Гюго, А. де Мюссе, Леконт де Лиль, А. де Ренья, С. Малларме, А. Рембо, Ж. Санд. Современность была представлена только двумя именами – Ж. Дюамеля и Ж. Ромена. См. Приложение XX. Хроника литературных вечеров и субботников секции переводчиков Всероссийского союза советских писателей (Ленинград) 1924–1929 в.: (Кукушкина: 673–677).

⁴⁰ Главлит как орган цензуры (осн. в 1922) выпустил в 1923 г. секретное циркулярное письмо, запрещающее ввоз иностранных книг, враждебных режиму. С этого момента любое приобретение иностранной литературы проходило через бюрократический механизм, а ленинградская секция (Гублит) играла в этой процедуре очень важную роль.

⁴¹ В.Серж – П. Истрати. 28.02. 1930 (СК: 311).

⁴² Об этом же он пишет в (Carnets: 528).

⁴³ Приложение IX. Резолюция секции переводчиков ВСП, оглашенная на общем собрании членов ВСП в Ленинграде 13/Х–1929 г. в: (Кукушкина: 654).

советской действительности зарубежными авторами⁴⁴. И все же в целом перевод виделся побочной ветвью литературного творчества, вспомогательным инструментом. Рождающаяся теория была далека от мысли В. Беньямина о задаче переводчика, которая заключается в раскрытии потенциала оригинала⁴⁵. Серж познакомится с его «замечательным эссе о Бодлере» только в 1941-м⁴⁶.

Виктор Серж – критик пролетарской литературы

Квалифицированные переводчики, особенно те, для которых иностранный язык был родным, были большой редкостью⁴⁷. Таким образом, Серж представлял собой ценный кадр и несмотря на политические преследования переводил для ведомства Кребса в Коминтерне. Цинизм этого государственного чиновника хорошо объяснил Паскаль, который рассказывает о намерении Кребса «максимально использовать В.С., который вместе в П[ьером] П[аскалем] почти незаменимы для издания Ленина», «до тех пор, пока он не займет объективно контрреволюционную позицию». Паскаль так аттестовал Кребса: «...типичный чиновник, без убеждений, произносящий правильные слова, не удосуживаясь прикинуться, что верит в них, лицемер. Единственная правда в этом – то, что В[иктор Серж], как и я, ему нужны, потому что французское издание Ленина в какой-то мере является оправданием его собственного существования»⁴⁸. С теми же целями Кребс привлек Сержа к переводу «пролетарских» романов.

Серж первым во Франции стал изучать проблемы пролетарской и революционной литературы⁴⁹. В своих «Хрониках интеллектуальной жизни в России»⁵⁰, посвященных послереволюционным писателям, он дает «общий обзор и точную документальную критику основных аспектов интеллектуальной жизни

⁴⁴ Нам не удалось обнаружить доказательств участия в этих заседаниях Сержа в качестве докладчика.

⁴⁵ Его знаменитое эссе «Задача переводчика» (1923), написанное как предисловие к переводу на немецкий язык «Парижских картин» Бодлера и привлекающее в наши дни интерес теоретиков перевода, прошло незамеченным не только в СССР, куда в целом новинки иностранной литературы попадали с трудом, но и во Франции, куда Беньямин эмигрировал из нацистской Германии в марте 1933 г. (Baudelaire C. *Tableaux parisiens*. Deutsche Übertragung mit einem Vorwort über die Aufgabe des Übersetzers von Walter Benjamin, Heidelberg: Verlag von Richard Weißbach, 1923 ("Die Drucke des Argonautenkreises", 5).

⁴⁶ Во время бегства на корабле из оккупированной Франции в Мексику Серж записал 31 марта 1941 г.: «Дочь Рене Шикеля, занимаясь стиркой, рассказывает мне о самоубийстве Вальтера Беньямина <...> Здесь на борту есть его замечательное эссе о Бодлере» (Carnets: 65).

⁴⁷ См. Приложение XVI. Протокол № 3 заседания бюро секции переводчиков при ЛО ФОСП от 22 / IX–1931 г., где определена квалификация членов Секции в: (Кукушкина: 664).

⁴⁸ Pascal P. *Journal de Russie. 1928-1929*, p. 92.

⁴⁹ Racine N. Victor Serge: chroniques de la revue *Clarté* (1922–1926). *Mélanges d'histoire sociale offerts à Jean Maitron*. Paris: Éditions ouvrière, 1976, pp. 191–196.

⁵⁰ Serge V. *Chronique de la vie intellectuelle en Russie. Le nouvel écrivain et la nouvelle littérature. Clarté*, no 31, 15 février 1923. p. 159.

красной России»⁵¹. Он знакомит французских читателей с громко заявившей о себе новой русской литературой: «появился кружок “Серапионовых братьев” и, неизвестные еще вчера, сразу проявили себя незаурядными писателями Борис Пильняк, Всеволод Иванов, Константин Федин. Короткие и шероховатые произведения, полные мужественного гуманизма, вызвали упрек в том, что они далеко не коммунистические, но их печатали и любили. Великая традиция русской литературы, прерванная годами бурь, возрождалась на второй год мирной жизни! Это было чудесно» (Серж: 200–201. В это время (1922–1926) он с энтузиазмом говорит о творчестве писателей-попутчиков. Представляя литературу как один их элементов культуры, Серж рассматривает литературную жизнь в ее зависимости от общественного развития⁵².

Впервые в теоретическом аспекте о «пролетарской литературе» заговорил Троцкий⁵³. Теоретические выкладки Сержа самобытны, он допускает существование пролетарской культуры/литературы в рамках исторического периода, ограниченного переходом от общества диктатуры пролетариата к бесклассовому обществу с его универсальной гуманистической культурой. Каждая эпоха порождает своих художников и сказителей, и пролетариат должен иметь своих, чтобы создать свою собственную культуру⁵⁴. Поэтому Серж приветствует рабочие кружки, которыми он восторгается, сравнивая их с парижскими литературными салонами⁵⁵. Но этот порыв неграмотных масс к культуре, наблюдаемый в начале 1920-х, вырождается в появление группы так называемых «пролетарских писателей», по своей сути не имеющих ничего общего с настоящим пролетариатом. Переводы советских романов позволяют Сержу создать их обоснованную критику. Его статья «Литература и революция» (1932) перекликается с эссе-манифестом «Новый век литературы» Анри Пулайя⁵⁶, французского идеолога пролетарской литературы, который, в свою очередь, ссылается на ранние «Хроники» Сержа 1923–1924 гг. и прославляет его деятельность как проводника советской литературы, в особенности его

⁵¹ Serge V. La vie intellectuelle en Russie. Vsévolod Ivanov. *Clarté*, no 56, 1er avril 1924. <https://www.marxists.org/francais/serge/works/1924/02/ivanov.htm>.

⁵² Serge V. *Littérature et révolution*. Paris: Librairie François Maspero, 1976, p. 5. Первое изд.: Serge V. *Littérature et révolution*. Paris: Librairie Valois. (“Cahiers bleus”, 1re série, 1er avril 1932).

⁵³ Книга Л.Д. Троцкого «Литература и революция» вышла в 1923 г., ее первый перевод на французский язык относится к 1964 г.: Trotsky L. *Littérature et révolution*, trad. du russe par P. Fran, C. Ligny et J.-J. Marie. Paris: Union générale d'éditions, 1964. – 512 p. (Collection 10-18).

⁵⁴ Serge V. Une littérature prolétarienne, est-elle possible? *Clarté*, no 72, 1 Mars 1925, pp. 100–142.

⁵⁵ Serge V. Chronique de la vie intellectuelle en Russie. Le nouvel écrivain et la nouvelle littérature.

⁵⁶ Poulaille H. *Nouvel âge littéraire*. Paris: Valois, 1930. Ср.: Morel J.-P. Poulaille Henry. *Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français*. Paris: Éditions de l'Atelier, 1997; Chapmen R. *Henry Poulaille and proletarian literature (1920–1939)*. Amsterdam: Rodopi, 1992.

перевод романа Ф. Гладкова «Цемент» – «самое важное произведение литературы, порожденной русской революцией»⁵⁷.

Серж, автор предисловия к своему переводу на французский язык «Цемента», проявив очень тонкое понимание социальных процессов, сформировавших русскую и французскую классическую литературу, оценил этот роман как неизбежную веху на пути новой литературы, «одно из наиболее замечательных произведений молодой пролетарской литературы, родившейся в русской революции». Он ставит в заслугу пролетарским писателям показ «русской души <...> глубоко отличной от той, которую мы знаем благодаря их предшественникам» и создание «литературы о коллективной жизни <...> об эффективном действии, о мысли неразрывно связанной с действием, о личности, обогащенной сознательным участием в общественной жизни, о человеке, закаленном в неумолимых и великолепных сражениях»⁵⁸.

Хотя Серж и хвалит пролетарскую литературу, он не разделяет безграничную веру своих французских друзей, Пулайя и Навилля, в пролетарских писателей. Он считает, что пролетарский писатель-самоучка больше рискует попасть в ловушку буржуазной культуры, нежели авторы-интеллектуалы. Для него отсутствие пролетарской идеологии менее опасно для литературы, чем пустота, бесплодность или искусственное снисхождение к уровню пролетарского читателя. Так, произведения Пьера Ампа и Пулайя по качеству превосходят жалкие потуги советской литературы⁵⁹. Серж квалифицирует роман Пулайя «Хлеб насущный» как «чисто пролетарское произведение»: «Ваш главный успех заключается в том, что Вы создали (или скорее выразили) этого живого человека, не заботясь об идеологии и прочих пустяках»⁶⁰.

Советские пролетарские романы, которые Серж переводит по заказу Кребса, – это первые попытки создания идеологизированной литературы, отвечающей социальному заказу воспевания труда, индустриализации страны в годы первой пятилетки, коллективизации деревни, а их авторы пользуются всеми преимуществами, доступными благонадежному советскому писателю. Не без горькой иронии Серж отмечает это в письме к М. Мартине: «На революционную литературу подул ветерок либерализма, писателей щедро осыпают дензнаками, продуктовыми пайками, обещаниями и т.д., правда, ничто из этого меня не касается, но правда и то, что их рвение заслуживает награды»⁶¹.

⁵⁷ Цит. по: Chapmen R. *Henry Poulaille and proletarian literature (1920–1939)*. P. 110.

⁵⁸ Gladkov F. *Le ciment*, pp. 7, 8, 9.

⁵⁹ Serge V. *Littérature et révolution*, p. 44, 87.

⁶⁰ V. Serge à H. Poulaille. Moscou, 5 février 1932. In: *Hommage à Victor Serge (1890–1947). Cahiers Henri Poulaille*, no 4-5. Bassac: Editions Plein Chant, 1991, pp. 48–49.

⁶¹ V. Serge à M. Martinet. Moscou, 14 novembre 1932. Fonds Marcel Martinet, no 36, BNF.

**Первый опыт художественного перевода:
«Цемент» Ф. Gladkova**

Провинциальный учитель и журналист крестьянского происхождения, вступивший после революции в Ассоциацию пролетарских писателей «Кузница», Ф. Gladkov стал автором первого советского производственного романа. Парадоксальный успех его «Цемент» горячо обсуждался. О. Брик, теоретик литературы факта, социального заказа и производственного романа, так объясняет причины этого успеха: «“Цемент” понравился потому, что люди, мало что смыслящие в литературе, увидели в нем осуществление своего из пальца высосанного литературного идеала. Им показалось, что наконец-то мы получили вещь, по всем статьям подходящую под многочисленные литературные тезисы». Критик видит в «Цементе» «плохую, неудачно сделанную, вредную вещь, которая <...> только затемняет основную линию нашего литературного развития»⁶².

В «Цементе» рассказывается история восстановления промышленности после разрухи гражданской войны. Персонажи романа в большинстве своем это уроженцы юга России, Крыма, «прекрасного края русского средиземноморья»⁶³, говорящие на особом языке, полном регионализмов и заимствований из украинского. И это представляет главную трудность для переводчика. Особенности языка «Цемент» привлекли внимание Горького. «Он весьма жив, оригинален и даже правдив. Я знаю этот язык, – пишет Горький автору романа. – Но, видите ли, дело происходит в Новороссийске, как я понимаю. За Новороссийском стоит огромная разноречивая, разноязычная Россия. Ваш язык трудно будет понять псковичу, вятичу, жителям верхней и средней Волги. И здесь вы, купно со многими современными авторами, искусственно сокращаете сферу влияния вашей книги, вашего творчества...»⁶⁴. Критики также обратили внимание на пренебрежение нормами русского языка, несоблюдение синтаксиса, стилистическую витиеватость. Такое «ухарство» в выражениях возмутило поэта-футуриста А. Крученых⁶⁵, который критиковал язык бандитов и преступников в устах пролетариев⁶⁶.

⁶² Брик О.М. Почему понравился «Цемент» Ф. Gladkova // На литературном посту. 1926. № 2. С. 32.

⁶³ Комментарий Сержа в предисловии к французскому изданию романа 1928 г.: Gladkov F. *Le ciment*, p. 9.

⁶⁴ М. Горький – Ф. Gladkovу. 23.08.1925 // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 29. С. 439.

⁶⁵ Крученых А. Е. Оправдание изнасилования, или Ф. Gladkov на страже чубаровских интересов // Крученых А.Е. На борьбу с хулиганством в литературе, 1926. <http://ruslit.triumlibrary.net/book/kruchenih-huliganstvo/kruchenih-huliganstvo.html#work002>.

⁶⁶ Эта общая тенденция к деградации языка была отмечена в лингвистическом исследовании того времени: Селищев А. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком по-

Если русское просторечье вперемежку с украинизмами остается не переданным в силу своей принципиальной неперевожимости, то обилие вульгаризмов на грани непристойности, присутствующее в диалогах персонажей-горлопанов, передается Сержем с большим знанием дела (**сволочь** – *crapule, canaille*, **чертова морда** – *gueule du diable*, **сволочь поганая** – *espèce de salaud*, **кинтошка** (от Кинто – Грузия) – *fil de chienne*, **дрянь** – *capule*, **подлое дело** – *saloperie*, **набить харю** – *casser la gueule*, **чертова кукла** – *bougre de coquin*, **заливать ерунду** – *raconter les sornettes*, **бить их надо, идиологов душ** – *faut leur en mettre pleine la gueule*, **лучше к черту в зад** – *vaudrait mieux flanquer un coup du pied au cul du diable*, **жрать** – *bouffer*, **лимонить** (медлить) – *lambiner* и т.п.) Серж старается передать и акцент персонажей нерусского происхождения. Так, грузин Цхеладзе сохраняет акцент и в переводе:

Оригинал ⁶⁷	Перевод ⁶⁸
<p>Ты <i>што</i> дэлаишь? <i>Што</i> за палытика строишь? Скажи <i>пажжалста</i> (Ц 185).</p>	<p><i>Qué que tu veux ? qué que tu fais ? En voilà une politique... dite un peu, siouplait !..</i> (C 395)</p>

Но далее там, где у Гладкова Цхеладзе продолжает свою речь, Серж не передает ее акцентные особенности, а просто дополняет вводными словами в скобках «продолжая с тем же грузинским акцентом» (С. 396–397).

Надо отметить, что Серж работал с первым вариантом «Цемент», где разухабистость высказываний персонажей еще не была приглажена последующими редактурами; это, в частности, проявляется в расхождениях между русским текстом романа в издании 1976 г. и переводом Сержа в переиздании 1944 г., которыми мы пользуемся при цитировании. Тем не менее, даже эти издания, в силу технических причин не строго совпадающие между собой в деталях, дают основание говорить о тех переводческих трудностях, с которыми Сержу пришлось столкнуться при работе с романом Гладкова и об избранных им путях их преодоления.

Диапазон найденных Сержем французских лексических эквивалентов весьма широк, а сам эвристический принцип, связанный с подбором в первую очередь окказиональных значений и контекстуальный соответствий, мог бы следних лет. 1917–1926. М.: Работник просвещения, 1928. См., в частности, сс. 68–85.

⁶⁷ Здесь и далее оригинальный текст Ф. Гладкова цит. по изд.: *Гладков Ф. Цемент. Клятва*. Лениздат, 1976. Страницы указываются в скобках с пометой «Ц». Курсивом выделены особенности языка персонажей.

⁶⁸ Здесь и далее перевод В. Сержа цит. по изд.: *Gladkov F. Le ciment, trad. du russe par V. Serge*. Genève; Paris: Editions des Trois Collines, 1944. Страницы указываются в скобках с пометой «С». Курсивом выделены особенности языка персонажей.

служить предметом отдельного исследования, так как многие из них либо не зарегистрированы словарями и требовали от переводчика известной изобретательности, либо употреблялись Гладковым весьма произвольно (**мухотеры** – *bougres de fainéants*, **бурда** в значении «дело дрянь», провал, неудача – *gachis*). Перевод сцены, когда Глеб Чумалов вмешивается в семейную ссору Савчуков, свидетельствует о мастерстве Сержа – его умении передавать просторечие:

Оригинал

Перевод

Мотя сидела на мешке и плакала. Глеб подошел к ней и протянул ей руку:

– Ну, Мотя, молодчина. За права свои ты здорово дерешься. Здравствуй, дорогая! Она злобно огрызнулась:

– *Отваливай, пожалуйста! Много вас прохаживается на чужой счет.*

– Не уйду, Мотя! *Угощай пышками, жареном, чаем с сахаром – ты же мешочница...<...>* Чего ты меня гонишь, Мотя? Я и так три года был на войне. Нет, чтобы обрадоваться, так извольте-с, я же ей и враг... *А вспомни, какая ты девка была боевая!.. Хотел на тебе жениться, да отшиб Савчук, окуянный бондарь... <...>* Савчук пьяно захохотал. – Это же не баба, Глеб, а *жаба*. <...> Нет у меня жизни, Глеб, а *она жизнь свою спрятала в мешок* (Ц 110–111).

Motia, repliée sur elle-même, pleurait <...>.

Gleb lui dit dans un grand rire amical : Motia, Savtchouk n'a pas été le plus fort, t'es une femme libre et tes droits de femme tu sais les défendre. Tape et recommencez. Elle bondit vers Gleb <...> – *Fout le camps* et ne me touche pas. *On en a pardessus la tête de types dans ton genre. Ce que vous me faites souffrir!.. <...>* Je ne m'en irai pas, Motia : y m'plait de rester chez vous, en hôte. *Offre-moi des petits choux, du rôti, du thé avec du sucre . M'en vends, hein ? <...> Rappelle-toi, Motia, quelle garce t'étais, et d'attaque !..* J'aurais voulu te marier, mais Savtchouk, *te rafla, sacré tonnelier, va !..* Ce n'est pas une femme, cria Savtchouk, c'est un *crapaud*. <...> Je n'ai pas de vie, vois-tu. Et la *sienne de vie* elle l'a *fourrée dans un sac* (C 25).

Часто Серж прибегает к переводческим комментариям. Транскрибируя русские имена (Borchtchi, Tchoumalova, Vadune), он, если речь идет об уменьшительных суффиксах, делает сноску «Дашка»: «Уменьшительное от Даша» (С 16). В описаниях завода и механизмов (в частности – и «L'usine . Les Diesels. Les Broemsbergs. Les cylindres tournants des fours») Серж комментирует технический термин и его употребление: «Фуникулер. Мы будем пользоваться обоими словами» (С 13). Комментируются и реалии. Так, «наказ в рваном бешмете» (Ц 179) имеет сноску «Бешмет. Нижнее белье, которое носят татары. (Прим. перев.)» (С 378); «Коминтерн» (Komintern) – «Немецкая и русская аббревиатура, обозначающая Коммунистический интернационал (прим. перев.)» (С 381).

В языковом аспекте первые годы советской власти тоже характеризовались новыми реалиями, в частности, засильем аббревиатур, и это отражено в романе Гладкова. «Сокращения слов носят исступленно-стихийный характер и угрожают в недалеком будущем сделать нашу речь

е. а. легенькова, т. с. тайманова

нечленораздельной», – писал Ю. Яснопольский в 1923 г.⁶⁹ Серж создает в ряде случаев французские аналоги советских аббревиатур, но, сознавая, что они будут непонятны французскому читателю, снабжает их комментарием. Так, «Зайди в *завком* и запишись на паек» (Ц 8) («*Passe au C. d'U, Glieb, et fais-toi inscrire pour une carte de pain*») поясняется в примечании: «*C. d'U. Аббревиатура от: Заводской комитет*») (С 19). Не прибегая к аббревиатуре, Серж расшифровывает и буквально переводит часто составленные из нескольких сокращенных слов названия новых административных органов и их руководителей, которые в наше время тоже почти все требуют специальной расшифровки (**Главцемент** – *Centre du Ciment*, **Совнархоз** – *Conseil économique*, **Промбюро** – *Bureau de l'Industrie*, **Продком** – *Comité du Ravitaillement*, **Нарпит** – *Restaurant d'alimentation populaire*, **Экосо** – *Conseil de l'Economie*, *Centre du Ciment*, **СТО** – *Conseil du Travail et de la Défence*, **Госплан** – *Commission du Plan de l'Etat*, **Райлес** – *Service régional des Bois*, **Леском** – *Service des Bois*, **Женсовет** – *Section féminine du parti*, **Дом Советов** – *Maison des Soviets*, **Коммухоз** – *Section d'Administration communale*, **ответработники** – *militants responsables* etc.). Это видно в следующем примере:

Оригинал

В *Исполкоме* была получена экстренная телефонограмма, что *волпредиисполкома* Борщий отхлестал нагайкой *начальника окружной милиции* Салтанова, посланного в помощь Борщию по *сбору продразверстки*, а Салтанов стрелял в Борщия (Ц 98).

Перевод

Le *Comité exécutif du Soviet* venait d'apprendre par une communication téléphonique que le *président de l'Exécutif du district*, Borchtchi, ayant cravaché le *chef de la milice de l'arrondissement* Saltanov, qu'on lui avait adjoint afin de l'aider dans les *réquisitions de blé*, Saltanov avait tiré sur Borchtchi (С 203).

Отметим здесь также тяжеловесность французской фразы, которая близко следует за оригиналом.

Но этот новый язык, с которым Сержу пришлось столкнуться при переводе, в частности, непередаваемый калькой «Исполком», возмущал не только таких критиков, как Крученых, но и персонажей романа, не принявших советскую власть. Например, полковника, допрашивающего Дашу Чумалову.

⁶⁹ Селищев А. Язык революционной эпохи. С. 167.

судьба виктора сержа как переводчика

Оригинал	Перевод
– Стриженная...Коммунистка?	–Tondue...Communiste ?
Даша смотрела на него и молчала.	– Oui, ouvrière.
– Кто ехал с тобой в фэзтоне?	– Qui voyageait avec toi ?
– Товарищ Бадьин... predisполком.	– Le camarade Badyne, président de l'Exécutif du Soviet.
– Предисполком? Это по-каковски?	– Président de l'Exécutif ? Quel est ce charabia ?
– А по-таковски...по-русски...	– Je parle russe. Quel est charabia veut-tu dire ?
– Врешь. Русский язык не такой. Этот ваш жаргон – не то жидовский, не то воровской...	– Tu mens, ce n'est pas du russe. C'est votre jargon des youpins ou des voleurs.
– У нас в Советской России воры не плодятся.	– Les voleurs ne pullulent pas chez nous, en Russie des Soviets, nous les canardons sans merci (C 218).
– Это ново... Почему же?	
– А мы беспощадно стреляем их (Ц 105).	

Новшества повседневной жизни переданы с помощью эквивалентов (детдом – *maison des enfants*), за которыми стоит поясняющее прилагательное (кооперативная столовая – *restaurant communal*, красноармеец – *soldat rouge*). То же относится к переводу рекламных объявлений периода нэпа:

Оригинал	Перевод
В непродолжительном времени здесь будет открыт рабкооп.	<i>Prochainement ouverture d'une coopérative.</i>
Здесь открывается кофейня.	<i>Ici s'ouvrira prochainement un café.</i>
Универсальный магазин ЕПО (Ц160)	<i>Magazins de la Grande Coopérative de la consommation (C 340–341).</i>

Этот описательно-объяснительный перевод не всегда удачно передает языковую форму реалий того времени. То же происходит при переводе частушек «Яблочко» и «Цыпленок дутый» (*la Pétite pomme, le Poussin enflé*), приводимых Гладковым. Согласно с французской традицией, Серж, хотя он и прекрасно владеет техникой стихосложения, переводит их прозой, не заботясь ни о ритме, ни о рифме:

Оригинал	Перевод
И-ох ты, ябы-лочко, д'куда котиться, Д'как в завком попадешь – обормотиться (Ц 18).	<i>Oh ! là là , la petite pomme, où roule-tu ? T'arrivera au C. d'U. les pattes en savates(C 41).</i>

е. а. легенькова, т. с. тайманова

Калькирование характеризует перевод пропагандистских лозунгов, введенных Гладковым в текст:

Оригинал	Перевод
Кто не работает, тот не ест.	<i>Qui ne travaille pas ne mange pas</i>
На руинах капиталистического мира мы построим великое здание коммунизма.	<i>Nous bâtirons la cité communiste sur les ruines du monde capitaliste</i>
Мы потеряли только одни цери. А приобретем целый мир. (Ц 161)	<i>Nous n'avons perdu que nos chaînes, nous gagnons un monde. (C341)</i>

При переводе описаний, где стиль автора особенно витиеват и отличается нарочитой «образностью», Серж прибегает к буквализму:

Оригинал	Перевод
Черно-фиолетовые дали за заводом – море и городские предместья – были мглы и пустыни в призрачных искрах и облачных тенях. От маяка к заводу трепетала в бухте огненная веревка. Капали звезды очень далеко над морем, и небо над дальними изломанными хребтами было в павлиньих перьях (Ц 57–58).	Les lointains d'un violet sombre au delà de l'usine – la mer et la petite ville – s'enténébraient, inquiétants et déserts, rayés d'étincelles fantomatiques et parcourus de grandes ombres comme des nuées. Une corde enflammée se tordait tout à coup du phare à l'usine, puis se déchirait, se cassait en noeuds et l'on voyait des étoiles choir très loin dans la mer. Au-dessus des lointains sommets le ciel avait des nuances de plumes de paon (C 124).

Примеры можно было бы множить, но очевидно, что Серж владеет техниками и методами художественного перевода как на лингвистическом, так и на стилевом уровне. Он варьирует и сочетает различные стратегии: описательный перевод, передающий общий смысл, калькирование, транслитерацию, замену. Он предоставляет франкоязычному читателю не «неверную красавицу», а скорее придерживается буквы оригинала, сохраняя особый характер авторского стиля. Свойство романа Гладкова таково, что он не требует от переводчика той замечательной эрудиции, которой обладал Серж, напротив, для перевода «Цемент» от переводчика требовалось знание изнутри советской реальности и способность найти средства показа ее иностранному читателю без семантических и когнитивных потерь. И в этой роли Серж был необходим и незаменим.

Предательство дела революции и сталинский тоталитаризм приводят Сержа к мысли, что революция находится в опасности⁷⁰. Это убеждение укрепляется в 1926–1928 гг., хотя и не заставляет его усомниться в революционном идеале. В «Литературе и революции» он пишет, что, несмотря на сопротивление

⁷⁰ «Революция в тупике» – название 6-й главы воспоминаний Сержа.

судьба виктора сержа как переводчика

писателей, литература при сталинском режиме будет конформистской и продажной⁷¹. Приходится сожалеть, что его исключительные переводческие способности реализовались в текстах, которые не были ему дороги. Речь идет о произведениях литературных карьеристов, которые легко приспособивались к современности и чей «успех делался лишь в партийных комитетах»⁷². Это относится и к роману М. Шагинян «Гидроцентральный». Его автор олицетворяла конформизм советской литературы: дебютировав в символистских и декадентских кругах, она достигла всех возможных в СССР знаков отличия. Эмигрантский критик Георгий Адамович разгромил ее «Гидроцентральный», возведенную партийными властями в ранг шедевра⁷³. Как переводчик Серж не имел права выбора, но его суждение об этом романе показывает, почему он рассматривал этот перевод как тяжелую повинность ради куска хлеба: «Избранная книга, рекомендованная всем библиотекам страны, тиражировалась в десятках тысяч экземпляров; Международное издательство переводило ее на несколько языков, автор, осыпанный деньгами и похвалами, становился «великим писателем» за один сезон, что, впрочем, никого не обманывало. Так было с Мариэттой Шагинян, ее романом «Гидроцентральный» (Серж: 329).

Особым случаем в переводческих мытарствах Сержа было издание на французском языке романа М. Шолохова «Поднятая целина»⁷⁴. Серж работал над его переводом в 1932-м, но его имя не стоит на титульном листе издания, вышедшего в 1933 г. в «Editions sociales internationales», подписанного именами других переводчиков. К моменту выхода этой книги положение Сержа в СССР было весьма неблагоприятным. А апреле 1932 г. в Париже вышла его «Литература и революция», основной пафос которой никак не совпадал с нацеленной на управление литературным процессом линией партии; его прошение о разрешении покинуть СССР, написанное в октябре, получило немотивированный отказ, в связи с чем на Западе развернулась кампания в его поддержку; в феврале 1933 г. он отправил французским друзьям свое знаменитое письмо-завещание, а 8 марта его вновь арестовали и приговорили

⁷¹ См. тж.: (Серж: 245).

⁷² Там же. С. 329.

⁷³ См.: Адамович Г.В. «Гидроцентральный» Мариэты Шагинян // Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931) / Изд. подготовил О.А. Коростелев. СПб.: Алетейя, 2002. С. 582–590.

⁷⁴ Первое русское издание – в журнале «Новый мир» (1932, №№ 1–9). Уже в 1933 г. роман вышел на немецком языке (в Норвегии и Швейцарии) и дважды во Франции. Ж. Риер (Jean Rièr. *Mémoires d'un révolutionnaire*, p. 496.) утверждает, что французский перевод был заказан Сержу издательством «Editions sociales internationales», но не оплачен и вышел под другими именами: Cholokhov M. *Terres défrichées*, trad. avec l'autorisation de l'auteur par A. Orane et G. Roux. Paris: Editions sociales internationales, 1933.

к трем годам уральской ссылки. Тогда же во Франции возник комитет в его защиту, организованный Магдаленой Паз.

Тем временем французские коммунисты продолжали ждать его находящийся в работе перевод «Поднятой целины» (*Les terres défrichées*). Связанная с этим переводом интрига заключалась в том, что к этому времени роман Шолохова вышел на французском языке в издательстве “Gallimard” в переводе Дуси Эргаз⁷⁵ с предисловием Бориса Шлоцера под названием «Целинники» (*Défricheurs*)⁷⁶. В нем не хватало семи последних глав, и роман заканчивался сценой, в которой бабы бьют коммуниста Давыдова, осуждая, таким образом, проводившуюся коллективизацию. Понятно, что это издание рассматривалось в СССР как политический маневр белой эмиграции. Дать ей отпор могла только полная публикация переведенного романа и его авторизация Шолоховым. Это и было сделано. Первый тираж романа (25 000 экземпляров) вышел в середине декабря 1933 г. в издательстве “Editions sociales internationales” с заявлением Шолохова об авторизации именно этого перевода⁷⁷. Это случилось спустя десять месяцев после депортации Сержа в Оренбург.

На титульном листе «Поднятой целины» значатся имена Алисы Оран и Жоржа Ру⁷⁸. Это достаточно известные советские переводчики, специализировавшиеся на переводе на французский язык, работавшие впоследствии в «Издательстве литературы на иностранных языках» и в издательстве «Прогресс». Оба до революции жили во Франции, получили там образование и вернулись в Россию после революции. Оба были вполне добропорядочными советскими гражданами⁷⁹. Им и поручили завершить перевод. Жорж Ру свидетельствовал,

⁷⁵ Дуся Эргаз (Doussia Ergaz, 1904–1967) – французская переводчица, переводила русских и советских писателей, в частности, Гоголя, Достоевского («Преступление и наказание», 1931), Л. Толстого, Набокова, Горького.

⁷⁶ Cholokhov M. *Les Défricheurs*, traduit du russe par D. Ergaz. Paris : Gallimard, 1933. – 350 p.

⁷⁷ В нотариально заверенной декларации (Москва, 2 ноября 1933) Шолохов категорически отвергает любой другой перевод своего романа, кроме опубликованного в “Editions sociales internationales”. Факсимиле этой Декларации представлено в книге: *Примья К.И.* «Тихий Дон» сражается. Ростов-на-Дону: Ростовское кн. изд-во, 1972. URL : <http://m-a-sholokhov.ru/books/item/f00/s00/z0000017/st000.shtml>.

⁷⁸ Алис Оран (Александра Павловна Оранская, 1898–1965), советская переводчица, беспартийная, автор 49 переводов русских и советских писателей, в частности, В. Маяковского, А. Толстого, И. Эренбурга, Н. Лескова, и Жорж Ру (Александр Александрович Рудников, даты жизни неизвестны, переводы выходили в 1931–1954 гг.), беспартийный, автор 15 переводов русских и советских писателей, в частности, Л. Толстого, К. Симонова, Э. Казаневича. Часто эти переводчики работали вместе над общим текстом. См. данные сайта Института перевода: <http://db.institutperevoda.ru/search/fulltext/translations/?q=%D0%90%D0%BB%D0%B8%D1%81%20%D0%9E%D1%80%D0%B0%D0%BD>.

⁷⁹ Также они работали над переводами политических текстов, в частности, над историей ВКП (б). См.: Список переводчиков и контрольных редакторов, работающих над учебников «Краткий курс истории ВКП (б)». Извлечение 29 сентября 1938 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 258. Л. 106–108 (<https://www.stalindigitalarchive.com/frontend/node/135186>).

судьба виктора сержа как переводчика

что дело было столь срочным, что они перевели роман всего за месяц⁸⁰. Учитывая объем романа Шолохова, такие сжатые сроки перевода представляются невозможными даже для двух переводчиков. На наш взгляд, более правдоподобным выглядело бы предположение, что переводчики отредактировали и завершили перевод, конфискованный во время ареста у Сержа.

Несмотря на то, что труд переводчика был для Сержа вынужденным и зависел от сложившихся жизненных обстоятельств, он выполнял его честно и талантливо.

Перевод исторического текста:**«Воспоминания революционерки» Веры Фигнер**

«Фактически на $\frac{3}{4}$ меня подвергают бойкоту. Мои труды не упоминаются ни одной газетой. Ни одна писательская организация – членом которой я являюсь – не признает моего существования. <...> Невозможность публиковаться в толстых журналах уменьшает мои ресурсы на половину, так как принято сначала публиковать книгу порциями, а затем – отдельным изданием, что удваивает гонорары. <...> Мне пора задуматься – и это будет буквально вопросом жизни и смерти – как найти работу на Западе. <...> Хочу предложить свои переводы Галлимару (для которого я уже перевожу одну книгу) или Ридеру»⁸¹. Упомянутая Сержем книга была переводом первого тома «Воспоминаний революционерки» В. Фигнер (1921).

Этот перевод можно считать отдельным эпизодом в переводческой деятельности Сержа⁸². Его обращение к жанру воспоминаний не было случайным. Интерес Сержа к эго-документам, имеющим историческую значимость, подтверждается его нереализованным намерением предложить французскому издательству перевести «простую и прекрасную русскую книгу о войне, “Дневник” Дмитрия Фурманова (относящийся к 1914–1916 гг.)»⁸³. Поэтому он не мог не откликнуться на просьбу известной представительницы русского революционного движения Веры Николаевны Фигнер, которую глубоко читл (Carnets: 233). К тому же заказ на этот перевод исходил не от третировавшего Сержа издательского отдела III Интернационала, а от издательства “Gallimard”, которое планировало выпустить воспоминания в коллекции «Современники вблизи» (“Les Contemporains vus de près”).

⁸⁰ См.: *Прийма К.И.* «Тихий Дон» сражается.

⁸¹ В. Серж – П. Истрати. 11.12.1929 (SK: 294–295).

⁸² Figner V. *Mémoires d'une révolutionnaire*, trad. par V. Serge. Paris: Gallimard, 1930 (“Les contemporains vus de près. Femmes révolutionnaires”). – 267 p.

⁸³ В. Серж – П. Истрати. 4.12.1929 (SK: 292).

Перевод книги В. Фигнер, название которой Серж потом использовал в заглавии собственных «Воспоминаний революционера», можно по праву назвать авторизованным. Сохранились, хотя и немногочисленные, свидетельства совместной работы над французским текстом Фигнер и Сержа. В РГАЛИ хранятся два его письма к В.Н. Фигнер. Письмо от 6 сентября 1929 г. написано по-русски еще во время работы Сержа над переводом «Воспоминаний», затянувшейся из-за травли переводчика и его семьи, которую он в этом письме достаточно подробно описывает. Серж сообщает о своем намерении завершить работу после поездки в отпуск на Кавказ и надеется на обратном пути повидаться, чтобы обговорить незначительные сокращения в тексте. Второе письмо от 13 января 1934 г. написано Сержем в оренбургской ссылке по-французски. Серж выражает соболезнования Фигнер в связи со смертью 8 января мужа ее сестры Е.Н. Фигнер-Сажинной (1858–1931), известного русского революционера, народника, участника Парижской коммуны, анархиста, деятеля международного революционного движения М.П. Сажина (1845–1934). Письмо свидетельствует о том глубоком уважении, которое Серж испытывал к этой старой революционерке. В частности, он пишет: «Вы остаетесь для меня и для стольких других! в Вашей изоляции и Вашем страдании одним из примеров человеческой твердости. Хочу Вам это сказать и заверить в моих верности и почтении»⁸⁴. Несомненно, в основе симпатии между Сержем и Фигнер лежало постигшее их обоих глубокое разочарование в результатах революции, которой каждый из них посвятил жизнь, оказавшись в конечном итоге в полной изоляции.

О своем личном знакомстве с Фигнер Серж оставил также небольшие заметки в записных книжках, написанные уже в годы эмиграции в Мексике. Он вспоминает: «Лично я познакомился с ней в 1928–1929 гг. (ей было 74–75 лет), когда она попросила меня перевести ее “Воспоминания” на французский. <...> Вера Фигнер была совсем маленькой пожилой женщиной, хрупкой и прямо державшей спину. Ее осунувшееся испещренное морщинами лицо сохраняло строгую и правильную красоту ее молодости; крайне живая, всем интересующаяся, с непреклонным характером, подкрепленным глубоким нравственным чувством гордости, она оставалась отважным членом исполкома Народной Воли. Чувствовались ее полная убежденность в своей правоте, закалка, которую ей дала привычка к постоянному сопротивлению, и напряжение воли, неразрывно слитые с внутренним достоинством» (Carnets: 233–234).

Классическая строгость, прекрасное владение стилем, образность текста воспоминаний Фигнер были по достоинству оценены Вересаевым, Брюсовым, Буниным и А. Толстым во время чтения автором наиболее репрезентативных

⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 3. Ед. хр. 31.

судьба виктора сержа как переводчика

глав в приватном кругу еще до революции (1916)⁸⁵. Свои воспоминания Фигнер начала писать в заключении в Шлиссельбургской крепости в 1897 г. по-французски. Французские исследователи Ф. Артьер и Д. Дабади, изучавшие генезис этих воспоминаний, построили логическую цепочку мотивов, побудивших ее заняться мемуарами: в тюрьме она пишет, чтобы выжить; после тюрьмы в ссылке – чтобы вспомнить написанное, но уничтоженное перед освобождением из крепости; в эмиграции в Европе – ради возвращения к общественной деятельности; затем – чтобы оставить свидетельство в анналах истории. Именно это и выливается в опубликованный текст и, наконец, письмо превращается в форму сопротивления, когда она продолжает писать, чтобы бороться с одиночеством и воспроизвести в написанном братство товарищей, погибших в Шлиссельбурге⁸⁶. Французские исследователи обнаружили в фонде В. Фигнер в РГАЛИ рукописи на французском языке, которые представляют собой первые варианты ее воспоминаний, опубликованных в Советской России по-русски в 1921–1922 гг. и озаглавленных «Запечатленное время». Именно с этой публикации Серж делал свой перевод. В предисловии к первому советскому изданию мемуаристка объясняет, что текст был написан и закончен в Швейцарии, где и остался, когда она в 1915 г. вернулась на родину. Она пишет о судьбе своих воспоминаний: «Случилось худшее: вот уже шесть лет я все еще не могу получить их из-за границы. Фактически весь сделанный труд для меня пропал, и для теперешнего издания я должна была написать все наново. <...> Будь заграничные рукописи в России, у меня было бы совершенно обработанное, готовое к печати целое. Но их не было, а условия печатания из года в год становились все хуже и хуже. Надо было спешить, и, чтоб не откладывать дела на неопределенно долгое время, пришлось все автобиографическое начало, оставленное в Швейцарии, написать вторично и притом многое сократить, некоторые главы опустить совсем»⁸⁷. В этом судьба текстов Фигнер так же трагична, как и литературных произведений Сержа, значительная часть которых пропала при его отъезде из СССР в 1936 году.

В уже цитированном письме к Фигнер Серж пишет: «М.б. зайду к Вам, чтобы поговорить о некоторых (незначительных) сокращениях»⁸⁸. Действительно, сокращения и изменения в тексте перевода незначительны. Однако

⁸⁵ Artières Ph., Dabbadie D. Résister à la prison par l'autobiographie: Véra Figner et les prisons tsaristes. *Cultures & Conflits* 55, automne 2004, pp. 15–37.

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ Цит. по: Фигнер В.Н. Предисловие к первому изданию запечатленного труда. (1921–1922 годы) // Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. М.: Мысль, 1964. Т. 1. С. 43.

⁸⁸ В.Л. Кибальчич – В.Н. Фигнер. 6.09.1929. РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 3. Ед. хр. 31. На рус. яз.

в переводе, в частности, отсутствуют стихотворные строки, написанные самой мемуаристкой. Например,

В надежде увидаться снова
Ушла... Не оглянулась мать!
Сестра ж осталась у порога,
Чтоб взгляд еще прощальный дать.

С этих строк из стихотворения «Сестре», датированного 1 января 1888 г., безусловно, придающих дополнительную эмоциональную ноту этому повествованию, начинается вторая часть заключительной главы первого тома, в которой описывается суд над Фигнер, приговор и ее возвращение в Петропавловскую крепость перед заключением в тюрьму Шлиссельбурга.

Изменения оригинала при его переводе коснулись также названий глав. В русском варианте 19 глав, не имеющих заглавий, но разделы внутри каждой главы имеют свои названия. Например, первая глава, повествующая о детстве мемуаристки, состоит из параграфов 1. Семья. 2. В лесу. 3. Няня. 4. Я думаю сделаться царицей. 5. Дома. 6. Уроки. 7. Крепостное право. В переводе глава получает общее заглавие «Детство», хотя разбивка на параграфы сохранилась. Из текста исключены стихотворные фрагменты и некоторые бытовые подробности, в переводе не переданы особенности детского языка героини.

Из более поздних свидетельств Сержа известно, что он дополнил комментарии к тексту воспоминаний, сделанные самой Фигнер. Серж вспоминает: «Несмотря на то, что нас связывали скорее сердечные отношения, случались иногда и забавные конфликты. В своем комментарии я указал, что Софья Перовская была женой Желябова. В.Ф. возмутилась, сочтя это бестактностью – хотя этот факт известен всем историкам – и попросила убрать это, “потому что сами они никогда никого не посвящали в свои отношения, которые, впрочем, никого не касались”. Таким образом, она строго проводила границу между частной и политической жизнью, отводя частной подчиненное значение» (Carnets: 234). Естественно, что каждый из них преследовал при комментировании собственные цели, обусловленные их ролями автора и переводчика.

Из 67-ми комментариев к воспоминаниям девять принадлежат самой Фигнер и являются скорее дополнением к основному тексту, нежели комментариями в общепринятом смысле слова, имея личностную, эмоционально-субъективную окраску. Мемуаристка делает уточнения, позволяющие читателю глубже проникнуть в дух эпохи, понять умонастроения народовольцев, трагизм положения осужденных. Так, в тексте мемуаров описывается недоумение местного благородного общества по поводу причин, побудивших молодых

и образованных сестер Фигнер приехать в саратовскую глушь учить и лечить простой народ. В комментарии Фигнер замечает, что неграмотный народ дал этому простое, но возвышенное объяснение – «во имя спасения своей души» (прим. 26). Разъясняя читателю умонастроения членов Народной воли, намеревавшихся опираться на народные массы и сообразно с этим строить теоретическую и практическую программу, она комментирует: «Слово “тактика” еще отсутствовало в нашем революционном словаре, равно как и такие слова и понятия, как платформа, программа-минимум, программа-максимум» (прим. 32, с. 302)⁸⁹. Говоря о душевном состоянии осужденных вместе с ней товарищей, она писала: «Как было глядеть спокойно на бледные, желтые лица, прежде такие добрые и жизнерадостные, на истомленные фигуры, из которых иные носили явный отпечаток надломленности»⁹⁰, в комментарии Фигнер находим уточнение: «Двое из осужденных вместе со мной умерли вскоре после прибытия в Шлиссельбург» (прим. 67, с. 306).

Комментарии Сержа касаются персоналий, исторических и географических реалий, а также русицизмов, сохраненных в его тексте в транскрипции без перевода и требующих переводческого объяснения, например, «Слово *Воля* по-русски значит и свобода, и проявление воли» (прим. 16, с. 300), «*Дворники* буквально: привратники, при прежнем режиме они были помощниками полиции» (сноска 19, с. 301) или «*Переулок, улица*» (прим. 35, с. 302).

Первоначально предполагался перевод обоих томов этих воспоминаний. Серж упоминает, что секретарь Г. Галлимара Брис Парен, бывший атташе по культуре в Москве (1925–1927)⁹¹, подтвердил ему намерение издать оба тома, но сначала выпустить «один, чтобы облегчить выпуск книг, в материальном смысле слова»⁹². Однако перевод первого тома, которым Серж занимался в 1928–1929 гг., вышедший в Париже в 1929 г., прошел тогда почти незамеченным французским читателем, о чем переводчик глубоко сожалел. Сохранилась такая его запись: «Читатели издания NRF приобрели всего несколько сотен экземпляров первого тома, такого богатого по содержанию: детство в лесах России, семья и вся эпическая история “народной воли”. Второй том: почти двадцатилетняя каторга, научная работа, продолжавшаяся в Шлиссельбурге,

⁸⁹ Ссылки на примечания и страницы даются по изд.: Figner V. *Mémoires d'une révolutionnaire*, trad. par V. Serge. Paris: Gallimard, 1930 (“Les contemporains vus de près. Femmes révolutionnaires”). – 267 p.

⁹⁰ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. С. 377.

⁹¹ Выпускник Института восточных языков, Брис Парен (Brice Parain, 1897–1971), русофил, член ФКП, переводчик, после возвращения из СССР во Францию знакомится с Жаном Поланом (Jean Paulhan, 1884–1968) и становится секретарем Гастона Галлимара (Gaston Gallimard, 1881–1975). В начале 1930-х отходит от коммунистических взглядов.

⁹² В.Л. Кибальчич – В.Н. Фигнер. 6.09.1929.

сопротивление, революция, дело Азефа – не увидели свет на французском языке. Эта человеческая нелюбознательность, такой провинциализм великой литературы заставили меня ужаснуться. (К тому же в левых движениях Франции не нашлось двух тысяч читателей для подобной книги...)» (*Carnets*: 233). Понятно, что речь о переводе второго тома уже не заходила. Второй том воспоминаний Фигнер увидел свет во Франции только в 1973 г. в переводе Жанны Рюд⁹³.

В 2017 г. издательство “Mercure de France” вновь опубликовало перевод Сержа первого тома «Воспоминаний революционерки» в серии «Обретенное время», где они соседствуют с произведениями известных мемуаристов, среди которых Бенвенуто Челлини, Лютер, Вольтер, принц де Линь, многочисленные фаворитки французских королей и их придворные. Россия представлена в серии всего тремя именами: Екатерина Дашкова, Анна Григорьевна Достоевская и Вера Фигнер. Хочется верить, что перевод Сержа на этот раз привлечет к действительно незаурядному тексту русской революционерки внимание более широкого французского читателя.

* * *

Многочисленные лики Сержа – революционера, переводчика, литературного критика и писателя неразрывно связаны и дополняют друг друга. Все его усилия были направлены на то, чтобы лучше понять свое время, свидетельствовать о нем и передать свое послание последующим поколениям. Все, что Серж наблюдает, он измеряет аршином своего революционного идеала. Этим объясняется то, что воспитанный на классической русской и французской литературе, называемой буржуазной, и помня о ее величии, он приветствует новые ростки пролетарской литературы, родившейся во вздыбленное время Октябрьской революции. В этом ракурсе проанализированные выше переводы символичны: герой «Цемент» – это человек новой России, который, «преобразуя мир собственными руками в крови, нищете, страдании, труде и любви, познает, наконец, радость жизни и звонкий смех победителей»⁹⁴, в то время как герой мемуаров Фигнер – это революционер, представляющий элиту русских интеллигентов дореволюционной эпохи.

Задачей переводов Виктора Сержа было передать революционный опыт через национальные границы. Как переводчик он пытается представить французскому читателю оригинальное произведение во всей его полноте со всеми достоинствами и недостатками. На фоне колебаний теоретиков перевода 1920-х гг. между свободным отношением к оригиналу в духе «неверных красавиц»

⁹³ Finger V. *Mémoires d'une révolutionnaire*. Texte imprimé, présentation de Fernand Rude, trad. par V. Serge et J. Rude. Paris: Denoël/Gonthier, 1973. – 334 p.

⁹⁴ Gladkov F. *Le ciment*, p. 9.

и буквализмом он разрабатывает метод, в основе которого лежит тонкое проникновение в намерения автора, что позволяет переводчику тщательно и объективно передать характер авторского текста.

Литература

Кукушкина Т.А. К истории секции ленинградских переводчиков (1924–1932) // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: материалы проекта. 2011, С. 638–682. <http://www.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=5HtkE57-j-c%3D&tabid=10460>.

Прийма К.И. «Тихий Дон» сражается. Ростов-на-Дону: Ростовское кн. изд-во, 1972. – 502 с.

References

Artières Ph., Dabbadie D. Résister à la prison par l'autobiographie: Véra Figner et les prisons tsaristes. *Cultures & Conflicts* 55, automne 2004, pp. 15-37.

Balliu C. Clefs pour une histoire de la traductologie soviétique. *Meta. Journal des traducteurs*, vol. 50, no 3, 2005, août, pp. 934–948. <https://www.erudit.org/fr/revues/meta/2005-v50-n3-meta979/011605ar/resume/>.

Bouju M.-C. Les maisons d'édition du PCF, 1920-1956. *Nouvelles Fondations* 7-8, décembre 2007, pp. 260–265. <https://www.cairn.info/revue-nouvelles-fondations-2007-3-page-260.htm>.

Chapman R. *Henry Poulaille and proletarian literature (1920–1939)*. Amsterdam: Rodopi, 1992. – 264 p.

Horguelin P.A. *Anthologie de la manière de traduire. Domaine français*. Montréal: Linguatex, 1981. – 230 p.

Kukushkina T.A. K istorii sektsii leningradskikh perevodchikov (1924–1932) [On the History of the Leningrad Translators' Section, 1924–1932] *Instituty kul'tury Leningrada na perelome ot 1920-kh k 1930-m godam: materialy proekta* [Leningrad Cultural Institutes at the Breaking Point, From the 1920s to the 1930s: Materials for the Project]. 2011, pp. 638–682. <http://www.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=5HtkE57-j-c%3D&tabid=10460>.

Ladmiral J.-R. *Traduire: Théorèmes pour la traduction*. Paris: Payot, 1979. – 277 p.

Maspero F. *Les abeilles et la guêpe*. Paris: Seuil, 2002. – 280 p.

Priima K.I. "Tikhii Don" srazhaetsia ["Tikhii Don" Fights]. *Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo publ.*, 1972. – 502 p.

Racine N. Victor Serge: chroniques de la revue *Clarté* (1922–1926). *Mélanges d'histoire sociale offerts à Jean Maitron*. Paris: Editions ouvrière, 1976, pp. 191–196.

Samios-Kazantzaki E. *La véritable tragédie de Panaït Istrati*. Paris: Lignes; Saint-Germain-la-Blanche-Herbe: IMEC, 2013. – 352 p.

Письма Виктора Сержа В.Н. Фигнер

1.

6 сентября 1929

Глубокоуважаемая Вера Николаевна!

Длительная бытовая травля¹, которой подверглись здесь мои близкие со времени моего исключения из партии (как оппозиционера), сильно ухудшила мои условия жизни за последние месяцы и помешала мне довести до конца работу над Вашей книгой².

(Травля эта приняло исключительно безобразные формы, дойдя до физического нападения на мою жену, шельмование в печати и т.д., с большим трудом, кое-как удалось нам выдержать эти безобразные, возмутительные нападки.)

Теперь надеюсь обрести покой. Впрочем, не знаю. Сейчас еду на отдых, проведу сентябрь на Кавказе.

Возвращаясь, м[ожет] б[ыть], зайду к Вам, чтобы поговорить о некоторых (незначительных) сокращениях.

По возвращении – в октябре – первой моей задачей будет окончание этого перевода. Причем вся работа будет согласована с Вами.

Об этом есть полная договоренность с «Галлимаром». В письме от 28 августа 1929 г. Галлимар мне пишет – точнее, его секретарь Parain – что они не изменили намерения издать два тома Ваших мемуаров, но сначала один, потом другой, чтобы материально было легче опубликовать книги.

С глубоким уважением

Ваш В.Л. Кибальчич (Виктор Серж).

Ленинград, ул. Желябова 19, кв. 4

Публикуется по подлинникам: РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 3. Ед. хр. 31. Письмо от 6 сентября 1929 г. написано по-русски, письмо от 13 января 1934 г. – по-французски. Благодарю сотрудников РГАЛИ за помощь в работе.

¹ Имеется в виду нашумевшее дело А. Русакова (Иосилевич; 1875–1934), тестя В.Сержа, в защиту которого выступил он сам и привлек к нему, благодаря своим друзьям во Франции (Б. Суварин, П. Истрати, М. Паз, М. Мартине и др.), внимание международной общественности.

² Речь идет о переводе на французский язык книги В.Н. Фигнер «Воспоминания революционерки», который был заказан В.Сержу парижским издательством *Gallimard*. Первая и вторая части воспоминаний, написанные В.Н. Фигнер в 1921–1922 гг., освещающие доленинский период российского революционного движения, в переводе В.Сержа были опубликованы в 1930 г. в серии «Современники, увиденные с близкого расстояния. Женщины-революционерки»: Figner V. *Mémoires d'une révolutionnaire*, trad. par Victor Serge. Paris: Gallimard, 1930 («Les contemporains vus

судьба виктора сержа как переводчика

de près. Femmes révolutionnaires”). – 267 p. Этот перевод В. Сержа неоднократно переиздавался во Франции, последнее переиздание было осуществлено в 2017 г. в коллекции «Обретенное время» (“Le temps retrouvé”) в издательстве Mercure de France (Figner V. *Mémoires d'une révolutionnaire*, trad. du russe par V. Serge, éd. par Ph. Artières. Paris: Mercure de France, 2017. – 308 p.)

2.

19 janvier 1934

Véra Nicolaevna!

J'ai appris par les journaux la grande, l'immortelle douleur qui vous frappe¹. Tous ceux qui vous connaissent sont avec vous en esprit dans ces pénibles moments.

Vous restez pour moi et pour tant d'autres! dans votre isolement et votre souffrance, un des plus grands exemples de fermeté humaine. Je tiens à vous le dire et à vous assurer d'une pensée fidèle et respectueuse.

Victor Serge.

Оренбург, Каваллерийская 33.

[Перевод:]

19 января 1934

Вера Николаевна!

Из газет я узнал о постигшем Вас большом, неизбывном горе¹. Все, кто знает Вас, в это тяжелое время душою с Вами.

Вы остаетесь для меня – и для стольких других! – в Вашем одиночестве и Вашем страдании примером человеческой твердости. Очень хочу Вам это сказать и заверить Вас в своей преданности и почтении.

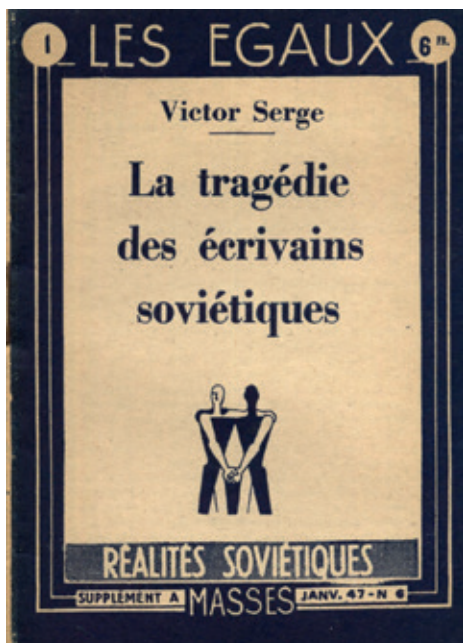
Виктор Серж.

Оренбург, Кавалерийская 33

¹ Речь идет о смерти 8 января 1934 г. известного русского революционера, народника, участника Парижской коммуны, анархиста, деятеля международного революционного движения Михаила Петровича Сагина (1845–1934), мужа сестры В.Н. Фигнер Евгении Николаевны Фигнер-Сажиной (1858–1931).

Публикация, перевод с франц. и примечания Е.А. Легеньковой

Виктор Серж
Совесть писателя. Трагедия советских писателей

Я хочу рассмотреть эту проблему с учетом самых страшных сторон современной реальности. Это заметки писателя, который чувствует, что потерпел поражение по прошествии двадцати лет, заполненных все более гнетущими событиями, – когда приходилось постоянно наблюдать, как вокруг гибнут люди (и их произведения), хотя единственная их вина заключалась в том, что они следовали голосу совести.

Только что я получил два сообщения – они шли издали сложным круглым путем, но поступили одновременно и были схожи по своему трагическому содержанию. В наше послевоенное, но совсем не мирное время, когда нет ни примирения с жертвами, ни стремления изменить мир и возродить веру в человека, литература наполнена прежде всего тоской и тревогой. Она также показывает, насколько ограниченный запас творческой свободы отведен социальной реальностью интеллигенту, даже если он в своем стремлении создать для себя живительную иллюзию и возвыситься над этим кошмаром довольствуется, как некоторые французские писатели, изображением «головокружительной свободы». Если бы сегодня действительно произошли перемены, если бы мы

не были отгорожены друг от друга исполинскими тюремными стенами, мы бы отметили появление в русской советской литературе благотворного, светлого начала. Среди множества книг о войне, порой написанных с неоспоримым талантом, но основанных только на хорошо известных официальных данных, появилось несколько стихотворений, для которых официоз – это что-то чисто внешнее, что-то вроде военной формы для солдата. Бывает так, что внезапно под формой обнаруживаешь человека во всей его индивидуальной неповторимости и уникальности. Режим, который стремится подчинить себе мысль, здраво рассудил, что в тяжкие, мучительные времена надо дать кое-какие поблажки человеческой душе – и разрешил, с одной стороны, религиозное возрождение (разумеется, под должным контролем), а с другой – лирическую поэзию, ограниченную любовной тематикой. Любовь, однако же, гораздо опасней для тирании, чем может показаться на первый взгляд. И тирания это знает. Ей не нужно, чтобы мужчина и женщина, соединившись друг с другом, ушли от действительности, чтобы ослабел их трудовой энтузиазм, самоотверженная преданность высшим интересам государства и великому Вождю. Помню, как один молодой рабочий, «уставший от идеологии», написал старому Максиму Горькому: «Хочу, чтобы на полях росли не гвозди, а трава, и чтоб крестьянин обнимал не трактор, а крестьянку». Он хотел «развлекаться». И великий Горький, ставший главным официальным писателем, с негодованием отвечал: «Надо развлекаться – старинный лозунг дармоедов и паразитов; пусть другие работают, а мы хотим развлекаться!» («Правда», 20 декабря 1931)¹. За это постоянно осуждали и самого выдающегося лирического поэта России Сергея Есенина, и в 1925 году все закончилось его самоубийством. Спустя несколько лет тот же самый внутренний конфликт привел к самоубийству другого поэта – Владимира Маяковского, на которого режим возлагал большие надежды...² Однако во время войны деспотическое государство столкнулось с угрозами, которые были несравнимы с опасностью, исходившей от лирики и ограниченной областью психологии. Государство поумнело – оно позволило молодежи, лишенной права на жизнь, петь песнь любви, которая дает не только силу жить, но и силу сражаться и умирать. И вот наряду с удручающе однообразной патриотической прозой русская советская литература только что создала несколько сильных любовных стихотворений, полных возвышенных, благородных, свежих мыслей и чувств, которые показывают, что душа русского человека жива, несмотря на все грубые и жестокие запреты и ограничения. Передо мной девятый выпуск журнала «Знамя» за 1945 год, в котором напечатана поэма Маргариты Алигер «Твоя победа» – 6 700 строк³. Еще вчера эту молодую поэтессу никто не знал. Поэма написана простым, классическим языком русских поэтов 19 века, она достигает вершин лиризма, наполнена пережитым опытом, проникнута

страстными, светлыми чувствами и мыслями, излучает мощный эмоциональный заряд.

Тот, упавший в пыли кровавой,
 Чью осколком пробило каску,
 Пусть простит он святое право
 Двух живых на земную ласку.

В целом, несмотря на присутствующие в ней неизбежные (и, быть может, искренние) уступки риторике и идеологии, я отдаю этой поэме пальму первенства и не знаю ни одного произведения, которое можно было бы поставить рядом с ней – при том, что я слежу за литературой и читаю на четырех европейских языках.

Сопrotивление поэта

В тот момент, когда я получил это стихотворение, напечатанное в журнале, публикующем официальную советскую литературу, я узнал – с многолетним опозданием, поскольку информация была засекречена, – о смерти, точнее, об убийстве одного из крупнейших русских поэтов последних тридцати лет Осипа Эмилевича Мандельштама. Он немного не дожил до своего пятидесятилетия⁴. Около 1913 года вместе с Николаем Степановичем Гумилевым он создал акмеизм – литературную школу, влияние которой было обширным и плодотворным. Акмеизм стремился выразить «простую ясность» в наиболее подходящей для этого форме. (К началу революции Н.С. Гумилев был одним из четырех-пяти величайших русских поэтов, он открыто высказывал контрреволюционные идеи и в 1921-м был расстрелян.) Я вспоминаю один вечер в Ленинграде в 1932 году у Мандельштамов. Поэт собрал нескольких друзей-литераторов, чтобы прочесть нам прозу, привезенную из путешествия в Армению⁵. Я не стану называть никого из бывших там со мной, чтобы не скомпрометировать тех, что еще живы. Маленький кареглазый еврей, всегда печальный и сосредоточенный, с тревожным и задумчивым взглядом, Мандельштам, чье творчество высоко ценилось в кругу интеллигенции, жил бедно и трудно. Его почти не печатали, писал он мало и не пытался бороться с цензурой и резкой критикой рапповцев. Отрывок, который он прочитал нам, напомнил мне Жироду, но речь шла не о грехах Сюзанны в Тихом океане⁶ – здесь подспудно ощущалась борьба поэта с петлей, которая затягивается у него на шее. Образы озера Эривани и снежной вершины Арарата навевали крамольные фантазии – о торжестве свободы, об игре воображения, о полете ничем не скованной мысли. Закончив читать, Мандельштам спросил нас: «Как вы думаете, это можно будет опубликовать?» Восхищаться пейзажами не

воспрещалось. Смогли ли цензоры понять эзопов язык и почувствовать скрытый протест в описаниях природы? Я не знаю, увидели ли свет эти страницы, потому что в то время я сидел за инакомыслие во внутренней (секретной) тюрьме ОГПУ в Москве. Я узнал, что Мандельштам пытался покончить с собой, что во времена террора он написал стихотворение, в котором легко можно было угадать намек на Вождя, и имел неосторожность кое-кому прочитав это; что он был арестован; что с 1942 года его немногие друзья считали, что он умер в заключении при невыясненных обстоятельствах... Можно напечатать большое стихотворение о любви. Но под страхом смерти запрещено спрашивать у государства, что произошло с пропавшими поэтами и прозаиками. Даже любовь должна умолкнуть у входа в темницу.

Под страхом смерти

История истребления советских писателей в 1936–1939 годах еще не написана⁷. Ни один рассказ об этом не был опубликован. Какой издатель, какой журнал принял бы подобный рассказ? Все происходящее было покрыто мраком, остались только обрывки и осколки. Но, опубликованная или нет, эта драма – данность, лежащая в основе современной культуры. Один мой друг из числа самых заметных представителей революционного поколения, говорил мне в Москве: «Мы, советские писатели, сильно отличаемся от писателей западных. Каждый из нас жил под страхом смертной казни. Каждый из нас, оставшись наедине с собой, с горечью восклицал: “Ах, если бы я мог творить свободно!”»⁸. Страх, терзавший этого выдающегося писателя, был полностью оправдан: никто не знает, что с ним произошло. Пятнадцать книг, которые он написал, были изъяты из библиотек. Его собратья по перу не осмеливались больше произносить его имя. Такова была судьба многих великих писателей, которых следует признать настоящими основателями советской литературы. Это и Борис Пильняк, автор романов и повестей «Иван-да-Марья», «Голой год», «Красное дерево», «Волга впадает в Каспийское море», и Бабель, автор «Конармии» и «Одесских рассказов», и Воронский⁹, бывший революционер и каторжанин, с 1918 года один из вдохновителей новой советской литературы, написавший «Искусство и жизнь», «За живой и мертвой водой», «Глаз урагана» и, разумеется, впоследствии расстрелянный как левый оппозиционер. Это и пожилой Иванов-Разумник, философ и историк, один из интеллектуальных вождей поколения 1917 года. Иванов-Разумник исчез сразу после того, как вышла его биография Салтыкова-Щедрина¹⁰. Я узнал об этом, когда сам сидел в тюрьме, от молодого поэта, брошенного в мою камеру на одну ночь и не знавшего, за что его посадили; насколько я понял, мэтра и его учеников

обвиняли в приверженности идеализму Михайловского и Петра Лаврова... Это и театральный режиссер Мейерхольд, смелый новатор, изменивший в 1902–1936 годах русский театр. Это и специалист по истории марксизма Рязанов, умерший в ссылке в начале войны... Я, конечно, не могу привести полный список пропавших – не столь известных писателей, молодых авторов революционных мемуаров. Это сотни имен. Этот список неизвестен никому – разве что начальникам тайной политической полиции. Я сказал «разве что» – но это не значит, что удастся что-то узнать, поскольку сами эти начальники, проводившие чистки, тоже пропали. Человек уничтожен, его труды ликвидированы, его имя больше не произносится, он вычеркнут из прошлого и даже из истории. Я только что закончил читать прекрасные воспоминания Константина Федина о Максиме Горьком¹⁰. Они относятся к эпохе, когда я хорошо знал Максима Горького, который сохранял независимость и моральную силу, не боялся критиковать революционную власть, и в итоге получил от Ленина дружеский совет уехать за границу... Могу подтвердить, что записи Константина Федина отличаются поразительной точностью, что он правдиво запечатлел образ Горького, его характерные жесты и манеру говорить, так что я будто бы снова услышал его голос. Тем не менее, на каждой странице я обнаруживал, что очень многое опущено – много раз звучавшие мысли, исторические факты, имена... Я восхищаюсь мастерством, упорством, честностью писателя, который, будучи скован по рукам и ногам, сумел набросать правдивый, удивительно живой портрет, неукоснительно следуя (могу представить, чего это ему стоило) установленным правилам.

Против исчезнувших писателей, о которых я говорил, так и не было выдвинуто никаких ясных обвинений, за исключением Рязанова. (Против Рязанова в печати появились бредовые обвинения в том, что он вступил в заговор с Социнтерном и готовил войну против СССР; он был осужден тайно, в административном порядке. На самом деле он несколько раз выражал возмущение преследованиями марксистов и великодушно пытался заступиться за некоторых из них.)¹² Никто не получил убедительно обоснованного приговора, который был бы оглашен открыто. А ведь многие – например, Пильняк, Бабель, Мейерхольд, Рязанов – достигли всемирной известности. Их сочинения переведены на английский, французский, немецкий, испанский, каталанский, чешский, идиш, китайский... Ни один из Пен-клубов¹³, в том числе и те, которые давали обеды и приемы в их честь, ни разу не поинтересовался их судьбой. Ни один из литературных журналов, насколько я знаю, ничего не написал об их загадочном конце. Книжки о советской литературе, опубликованные за границей, о них умалчивают или упоминают их только мельком, уклончиво. Расправа над ними окружена всеобщим заговором молчания.

Всеобщий страх

По поводу позиции журналов, а точнее, тех интеллектуалов, которые выпускают журналы, в связи со всеми этими тайнами и преступлениями, позволю себе привести пример из моего личного опыта. Когда в 1943 году в Мехико умер Отто Рюле, немецкий марксист-ветеран, биограф Карла Маркса, автор многих сочинений, чья важность была общепризнанна, активный участник германской революции 1918 года, я предложил очерк о нем одному солидному южноамериканскому журналу, в котором работало много его друзей. Моя статья поначалу была принята с интересом, хотя моя репутация еретика внушала некоторое беспокойство. Но когда я выразил желание упомянуть среди прочих битв, которые вел Рюле, его участие в комиссии Дьюи¹⁴, расследовавшей обвинения против Троцкого на московских процессах и вынесшей заключение о его невинности, мне категорически заявили: «Нет, это невозможно». С рациональной точки зрения я так никогда и не смог до конца понять, почему это было невозможно, единственным объяснением мог быть неоправданный страх, обуявший редакторов журнала – то самое зло, которое теперь заполонило всю карту мира.

Может ли культурный человек, который стал свидетелем преступления, совершенного среди бела дня прямо у него под окном, и не только не вмешавшийся, но даже не пытавшийся криком привлечь внимание к происходящему, сохранить после этого самоуважение, ясность мысли и суждений, творческие способности, может ли он после этого считать себя художником? Писатель, знающий, что происходит в мире, а я настаиваю на том, что знать это – долг писателя, часто оказывается в такой же неловкой ситуации, как этот культурный человек. Нечистая совесть делает его беззащитным, и он не может сопротивляться диктату, подчиняющему его мысль, диктату страха, который ведет к психологическим извращениям, которых он избежал бы, смело и решительно выступив против жестокости и бесчеловечности. Здесь, правда, встают сложные вопросы веры, неразрывно связанные с социальным окружением и интересами... И надо требовать, чтобы вера, религиозная или политическая, не заглушала голос совести. Вера современного человека должна соответствовать простым правилам духовной гигиены, таким, как ясность мысли, порядочность, чувство собственного достоинства и уважение к другим; в противном случае неизбежна деградация до уровня тех представлений, которые наша культура считает отжившими и недостойными высшего, современного типа сознания. Слишком часто мы видим, как на наших глазах писатель (или шире, интеллектуал) демонстрирует слепоту, которая граничит с тупостью или лицемерием. Лживость и двойная игра с самим собой и окружающими ведут к распаду общечеловеческих ценностей. Хуже всего то, что порой эта лживость

может быть неосознанной – писатель вытесняет ее в подсознание, внушая себе, что он честен перед самим собой и преданно служит «высшим государственным интересам».

Я не пытаюсь поставить под сомнение значение литературы французского Сопротивления, ради которого страдали и приносили себя в жертву многие мои товарищи... Их творчество – драгоценное свидетельство любви к жизни. Именно поэтому, читая эти тексты, я испытываю приступы удушья. Поэзия призвана бичевать злодеев, прославлять героизм мучеников, хранить память о расстрелянных – несомненно в этом ее миссия, ее высший гуманизм, особенно в наше время. Но то, что эти стихи зачастую подписаны именами поэтов, которые прославляли палачей, прославляли мучителей, оскорбляли расстрелянных, лгали на могилах участников другого Сопротивления, которое защищало человека от тирании и которое замалчивалось из-за уже известных нам побуждений – эта страшная алхимия ведет к отрицанию основополагающих ценностей. Чистое золото лишь скрывает нечистоты. Оказывается, совесть писателя полна темных тайн. Страстная песнь оборачивается лжесвидетельством. Поэзия Арагона казалась мне волнующей, порой даже великолепной, но сколько тех, у кого он учился, кого он любил (или делал вид, что любит) в СССР и Коминтерне были замучены и расстреляны – и неужели это его не взволновало? Неужели он не ставил себя на их место, не задавался простейшим вопросом – виновны они или нет? Не спрашивал себя, можно ли оправдывать чудовищную жестокость репрессий парадоксами, вроде «революционного гуманизма»? В 1937 году Арагон написал в «Comptine» немислимые, на мой взгляд, вещи об обвиняемых на московских процессах¹⁵. Были они заговорщиками или нет, эти старые социалисты все-таки заслуживают не меньшего уважения, чем то, что было оказано нацистским вождям на Нюрнбергском процессе. (Трудно сомневаться в том, что только уважение к истине смогло спасти этих людей, поскольку нацистские архивы находятся в руках союзников. Было нетрудно проверить некоторые бредовые обвинения. Смею утверждать, что это было сделано.) Поэт Сопротивления и коммунист, Арагон входил в число друзей Бруно Ясенского, польского писателя-коммуниста, чьи романы публиковались в *L'Humanite* («Я жгу Париж» – удачное название!)¹⁶. Я знал его в Москве, он всегда был преданным и трусливым сторонником «генеральной линии партии» – и умер в дальневосточном лагере. Арагон дружил с Генеральным секретарем РАПП Леопольдом Авербахом¹⁷, официально руководившим советской литературой. Леопольд Авербах был расстрелян – где, как, когда? То, что он был расстрелян – это точно, потому что он был племянником наркома внутренних дел и шефа политический полиции Ягоды, которого тоже расстреляли.

Верность писателя партии, которая обладает огромной властью и приказала расстреливать всех подряд, является в данном случае убедительным объяснением. Но как же тогда понимать эти строки о предателях, написанные Полем Элюаром – еще одним поэтом, принадлежавшим к той же самой партии:

Они превозносили палачей,
Они нас злом, как грязью, облепили,
Они ни разу не сказали правды¹⁸.

Да, как их можно понять? Мы можем сделать вывод, что это – психологический распад. Мы можем сделать вывод, что это стихотворение, как бы ни было оно прекрасно по форме, звучит насквозь фальшиво. Читатель думает, что это голос защитника свободы, врага палачей, которые расстреливают невинных. Но читатель ошибается. И это, конечно, тревожит. Но что происходит в душе таких поэтов? «Что есть истина?» – вопрошал Осужденного Понтий Пилат. Тысячи людей, разум которых, казалось бы, формировался под влиянием научной мысли, на самом деле ответят: «Истина – это приказ Вождя моей партии...» Это – смерть разума. Это смерть этики.

Мысль ангажированная – или контролируемая

Ряд других писателей Сопротивления, занимающих не столь четкую позицию, все же попадают под тлетворное влияние окружения и заслуживают той же критики – хотя и в меньшей степени. Кажется, что только спустя много лет они наконец заметили, что тоталитарные режимы уничтожают человека. Неужели они не видели этого раньше? Неужели не понимали, что это не только национальная катастрофа, что под ударом оказалась и вся Европа, и вся наша цивилизация? Лучшие авторы постоянно задаются вопросом об «ангажированной мысли», «ангажированном действии», о необходимости «занять позицию», об «ответственности литературы» и о готовности отдать жизнь за справедливость. Но что на самом деле значат эти слова? Не звучат ли они лишь в узком кругу устаревшего патриотического движения? Не звучат ли эти слова эзотерически, вместо того, чтобы иметь универсальный смысл? Допустимо ли говорить об «ангажированной мысли», если на самом деле это значит контроль над мыслью? А «ангажированное действие»? Оно оправдано, если речь идет о борьбе с угнетением, и подлежит осуждению, если направлено против чего-то другого? Не возврат ли это к племенному мышлению прошлых эпох, когда заповедь «не убий» касается только твои соплеменников, а убийство человека из соседнего племени достойно похвалы? Ограничивается ли «ответственность литературы», за которую не без оснований ратует Жан-Поль Сартр¹⁹, только

определенными историческими событиями? А к другим она, очевидно, не имеет отношения? Долой умолчания. Совесть писателя не позволит ему уклониться от подобных вопросов. Сейчас эти вопросы интересуют всех, у кого есть совесть, я имею в виду тех, для кого древняя магия слов и живых творений, созданных при помощи слов, остается способом прояснить и облагородить нашу жизнь.

Перевод выполнен по: Serge V. Conscience de l'écrivain. La tragédie des écrivains soviétiques. *Masses*, novembre 1946, no 4-5, pp. 29–32. Текст также вошел в приложение к журналу: *Les Egaux. Réalités soviétiques. Supplément à Masses*, no 6, janvier 1947, pp. 1–13. На остальных трех страницах этой небольшой брошюры помещены краткие заметки, посвященные трагедии советской интеллигенции, в первую очередь писателей, в сталинском Советском Союзе: «Осип Мандельштам» (об уточненных обстоятельствах гибели поэта); «Исчезновение академика Вавилова» (об аресте Н.И. Вавилова и его смерти «при невыясненных обстоятельствах»); «Что случилось с Борисом Пильняком?» (о тщетных попытках западных писателей узнать об обстоятельствах ареста и гибели Пильняка у И. Эренбурга); «Поэзия... идти в ногу» и «Новая чистка» – о травле Б. Пастернака, А. Ахматовой, А. Гладкова, М. Зощенко, И. Садофьева, М. Комиссаровой в советской прессе после «Постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград"» от 14 августа 1946 г.

Теме несвободы в советской литературе, трагическим писательским судьбам, «капитуляции» М. Горького («Литература гибла – он молчал») и проч. посвящены также многие страницы воспоминаний В. Сержа (Серж: 320–330 и др.).

¹ Из статьи Горького «Об анекдотах – и еще кое о чем», напечатанной в двух номерах «Правды» (19 и 20 декабря 1931).

² О волне писательских самоубийств (Есенин, А. Соболев), о Маяковском и своем отклике на его смерть во французской печати Серж рассказывает в воспоминаниях (Серж: 323–324).

³ Маргарита Иосифовна Алигер (Зейлигер; 1915–1992) получила официальное признание еще в предвоенные годы (орден «Знак Почета», 1939); была корреспондентом в блокадном Ленинграде; член ВКП(б) с 1942 г.; Сталинская премия 1943 г. за поэму «Зоя» (о З.А. Космодемьянской). Поэма «Твоя победа» (Знамя. 1945. № 9. С. 1–28; отд. изд. 1946) надолго запомнилась, прежде всего, фрагментом с поэтическим обличением холокоста («Разжигая печь и руки грея...»).

⁴ О.Э. Мандельштам не дожил до 48 лет, скончавшись 27 декабря 1938 г. в пересыльном лагере под Владивостоком. Долгие годы дата и обстоятельства его смерти оставались предметом неточных слухов и противоречивых известий в заграничной печати (пример – заметка в парижском «*Masses*», включенная в брошюру со статьей Сержа). «Акмеистами» стала называть себя с осени 1912 г. группа участников (Гумилев, Мандельштам, Ахматова, С. Городецкий, В. Нарбут, М. Зенкевич) первого «Цеха поэтов». В. Серж упоминает стихотворение «с намеком на Вождя» – «Мы живем, под собою не чуя страны...», private чтения которого Мандельштамом в узком кругу стали одной из причин первого ареста поэта (1934) и его ссылки в Воронеж. После второго ареста (1938) в приговоре к лагерному заключению Мандельштам обвинялся, в том числе, в связях в 1930-е гг. с «Нибальчицем [В. Сержем] до момента высылки последнего за пределы СССР».

⁵ «Путешествие в Армению», написанное в 1931–1932 гг. по впечатлениям полугодовой кавказской «творческой командировки» 1930 г., в присутствии Сержа могло читаться Мандельштамом в Ленинграде в дни его приезда в город на авторские вечера в феврале–марте 1933 г. Вскоре Серж был арестован и пропустил публикацию очерков Мандельштама в журнале «Звезда» (1933. № 5).

⁶ В романе Ж. Жироду «Сюзанна и Тихий океан» (*Suzanne et le Pacifique*, 1921) молодая француженка Сюзанна, выигравшая в лотерею поездку в Австралию, в результате кораблекрушения оказывается одна на необитаемом архипелаге в Тихом океане. В отличие от

Робинзона Крузо, героиня Жироду ведет простую жизнь, никак не вмешиваясь в девственную природу. Большую часть романа занимают ее философские размышления. Рус. изд.: *Жироду Ж. Сюзанна-Островитянка* / Пер. с франц. М.И. Барской и Л.И. Вольпина под ред. Б. Лившица. Л.: Гос. изд-во, 1928. (Серия «Библиотека всемирной литературы»).

⁷ О трагедии советских писателей, преследовании неугодных писала как эмигрантская критика, так и немногие западные авторы. В. Серж знал работы М. Истмена 1930-х годов; в своих воспоминаниях (Серж: 322) он упоминает его книгу «Artists in Uniform. A Study of literature and bureaucratism» (1934), в которой Истмен рассказывает о самоубийстве Есенина, Маяковского, травле Замятина, Пильняка, Бабеля, А.К. Воронского и проч. Одновременно с В. Сержем над мартирологом русской литературы советских лет работал Иванов-Разумник (Разумник Васильевич Иванов, 1878–1946), который сам неоднократно арестовывался как «антисоветский элемент». После освобождения в 1939 г. из последней ссылки он жил под Ленинградом, где в 1941 г. оказался в оккупации и был интернирован в Германию. В 1942–1943 гг. в берлинской коллаборационистской газете «Новое слово» Иванов-Разумник печатает цикл статей «Писательские судьбы», в том числе с говорящими заглавиями: «Погибшие», «Задушенные», «Приспособившиеся». См. издание: *Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремь и ссылки*. М.: Новое лит. обозрение, 2020.

⁸ В. Серж имеет в виду наиболее близкого ему из советских писателей Б. Пильняка, в уста которого он вкладывает те же слова в воспоминаниях (Серж: 326).

⁹ Александр Константинович Воронский (1884–1937), член РСДРП с 1904 г.; редактор журнала «Красная новь», глава литературной группы «Перевал», в 1920-е – покровитель писателей-«путчиков». В 1927 исключен из партии за симпатии троцкизму, сослан, в 1930 г. восстановлен на работе – в ГИХЛ. Расстрелян.

¹⁰ *Иванов-Разумник. Салтыков-Щедрин*. М.: Федерация, 1930. Т. 1. Второй том не был опубликован. Речь идет об аресте и последующей ссылке Иванова-Разумника в 1933–1936 гг. О том же см.: Серж: 329.

¹¹ *Федин К.А. Горький среди нас: Картины литературной жизни*. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1943–1944.

¹² Давид Борисович Рязанов (Гольдендах; 1870–1938, расстрелян) – революционер (народник, социал-демократ), историк марксизма, академик, создатель и первый руководитель (1921–1931) Института Маркса и Энгельса. В 1931 г. подвергнут жестокой критике как «меньшевик» (получил распространение термин «рязановщина») и сослан в Саратов.

¹³ Международный ПЕН-клуб (основан в Англии в 1921 г.) пытался активно заниматься правозащитной деятельностью. Неоднократные обращения ПЕНа (в частности, его президента в 1930-е годы Г. Уэллса) о создании в СССР отделения этой международной писательской организации не имели успеха (см., например, о неудачных попытках ПЕНа взаимодействовать с Союзом писателей в 1930-е: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 16, 228, 1326 и др.). Лишь с 1960-х советские делегации sporadически участвовали в конгрессах ПЕНа как «наблюдатели»; российский ПЕН был образован в 1989 г.

¹⁴ Во время «московских процессов» 1936–1938 гг. в марте 1937 г. в Мексике Троцкий и его сторонники инициировали контр-процесс. Американский комитет в защиту Льва Троцкого создал Комиссию по расследованию обвинений, предъявленных Троцкому на московских процессах. Ее неофициальное название – «Комиссия Дьюи» по имени ее председателя, Джона Дьюи, американского философа и педагога, посетившего СССР в 1928 г. В комиссии приняли участие, в числе прочих, Дж. Дос Пассос, критик Э. Уилсон, антрополог Ф. Боас, коммунист и историк марксизма О. Рюле, один из лидеров соцпартии США Н. Томас. Заседания Комиссии проходили 10–17 апреля 1937 г.; Комиссией был сделан вывод о несостоятельности обвинений, выдвинутых против Троцкого на

московских процессах. «Создание в США... Комиссии Джона Дьюи – Сюзанны Лафоллет – Отто Рюле придало нам мужества» (Серж: 404).

¹⁵ Вероятно, речь идет о статье Луи Арагона (Louis-Marie Andrieux; 1897–1982) «Vérité élémentaires», помещенной в рубрике «Le procès de Moscou» в парижском журнале «Commune» (по 43, mars 1937, pp. 804–809), наряду с подборкой официозных откликов советских писателей (И. Бабель, Вс. Вишневский, В. Шкловский, братья М. и С. Маршак). С ярых просоветских позиций Арагон заклеил зарубежных критиков московских процессов 1936–1937 гг. (А. Жид, В. Серж, П. Истрати и др.) «клеветниками» и «троцкистами», заявив, что сомневаться в вине подсудимых – все равно, что утверждать, что это не Гитлер поджег рейхстаг.

¹⁶ Революционно-утопический роман Б. Ясенского «Я жгу Париж» опубликован в 1928 г., по-французски печатался с продолжением в «L'Humanité», русский автоперевод – в «Роман-газете». Он был написан как ответ на памфлет Поля Морана «Я жгу Москву» (1925). Бруно Ясенский (Виктор Зисман; 1901–1938) – польский и французский писатель, с 1929 г. в СССР, был председателем Международного объединения революционных писателей; арестован в 1937 г., расстрелян в Москве. Время и обстоятельства его смерти, как и в случае с О. Мандельштамом, долгие годы были неизвестны и порождали противоречивые версии.

¹⁷ Леопольд Леонидович Авербах (1903–1937) был расстрелян вместе с группой сотрудников НКВД, близких к Г. Г. Ягоде, которому приходился шурином, а не племянником.

¹⁸ Строки из стихотворения коммуниста и участника Сопrotивления Поля Элюара (Eugène Émile Paul Grindel; 1895–1952) «Немногие французские интеллектуалы перешли на сторону врага» ("Un petit nombre d'intellectuels français s'est mis au service de l'ennemi") из сб. «Лицом к лицу с немцами» (*Au rendez-vous allemande*, 1944). Рус. пер.: Элюар П. Некоторые французские интеллигенты служили врагу / пер. с франц. А. Тверского // Элюар П. Стихи. М.: ГИХЛ, 1958. С. 108.

¹⁹ Понятие «ангажированная литература», актуальное для первых послевоенных лет, Сартр вводит в редакционной статье, представлявшей журнал Сартра и Симоны де Бовуар «Les Temps modernes» (Présentation. *Les Temps modernes*, 1945, octobre, no 1, pp. 1-21), и далее развивает в серии публикаций 1945–1946 гг., которые затем вошли в его книгу «Что такое литература?» (*Qu'est-ce que la littérature?*, 1948).

Перевод с франц. и примечания О. Ю. Пановой

Виктор Серж в воспоминаниях Ж. Дюамеля

Что касается посещения Петропавловской крепости, нас туда сопровождал человек, сам не раз сидевший в тюрьме, и который не расставался с нами не по приказу, а по дружбе, человек, которого я знал как писателя и чьим талантом я восхищался. Я говорю здесь о Кибальчиче, авторе произведений, которые он публиковал по-французски под именем Виктора Сержа. Кибальчич, родившийся в Бельгии и воспитанный в традициях французской культуры, скомпрометировал себя: стремясь, видимо, из политических соображений бросить вызов обществу, он оказался замешан в громком деле анархиста Бонно¹ и даже подвергся во Франции тюремному заключению. После освобождения он с энтузиазмом воспринял русскую революцию и приехал в Россию. Насколько я помню, его семья была родом из южных провинций, Кавказа или Грузии,

точно не знаю. Так вот, я встретил Виктора Сержа в Ленинграде. Он вызвал у меня самую искреннюю симпатию. У него были правильные черты лица, бледная матовая кожа, черные волосы. В этом лице все было благородно и вызывало уважение. Он был женат; помню ребенка, который играл на полу в двух хороших, довольно просторных комнатах в большом ленинградском доме, где квартиры после революции были перераспределены, как повсюду в России². Эта жилплощадь отнюдь не была надежным убежищем. Впоследствии ее попытались грубо отнять. Эта абсурдная драма описана Панаитом Истрати, еще одним путешественником, который посетил советский мир спустя полгода после нас и оставил о своем путешествии рассказ, полный горькой критики режима³.

Если в моей памяти вопреки всему остались яркие воспоминания об этих днях в Ленинграде, так только благодаря Виктору Сержу. Через несколько лет я написал: «Виктор Серж оказал Советской России немалую услугу: он действительно стал – по крайней мере, на мой взгляд – ее мудрым и достойным уважения представителем»⁴.

Не знаю, будет ли мне дано снова взяться за тетради и вернуться к Виктору Сержу. Лучше завершить здесь этот слишком короткий исторический портрет, на который он имеет право. Сержа привлекла троцкистская оппозиция. Он этого не скрывал и говорил мне об этом во время моего пребывания в Ленинграде с большой прямоотой и приводя сильные аргументы. Поражение троцкистов и последовавшие за этим репрессии тяжело отразились на жизни писателя. Мало было того, что он впал в немилость и у него пытались отнять жилье, – в конце концов, его посадили в тюрьму, потому что именно так в России кончают все, кто не отличается рабской покорностью и беспрекословным подчинением. В 1933 году его выслали в Оренбург на Урал без суда, применив свойственные ГПУ полицейские меры. До своего заключения Виктор Серж писал мне письма, касавшиеся прежде всего вопросов литературы; в них он сдержанно сообщал о трудностях, с которыми сталкивается в повседневной жизни. Потом наступило полное молчание. В мае 1933 года я написал в *Oeuvre* статью «Цена человека»⁵, в которой просил у советского правительства освобождения Виктора Сержа – автора, пишущего на французском языке. Поскольку этот призыв остался без ответа, в июле того же года я написал новую статью о «деле Виктора Сержа». С этого времени протестовал уже не только я⁶. Жан Жироду, Люк Дюртен, Леон Верт, Жан Геенно и другие направили советскому послу во Франции настойчивые требования. Вроде бы и профсоюзы решились вмешаться. Неужели агенты Советов, которые годами собирали подписи в поддержку своей политики, позволят гнить в тюрьме или ссылке человеку, прямоота которого была одним их лучших аргументов в пользу новой России?

В сентябре 1933 года в телеграмме из информационного агентства было объявлено, что Виктор Серж будет «прощен наполовину» и отправлен на поселение в Вятку, на север нижегородской области. Тогда я написал новую статью «Молчание Советов?»⁷, где попытался дать понять руководителям России, что их поведение по отношению к Сержу окончательно подорвало уважение к ним со стороны ряда представителей французской интеллигенции. Вспомнив к тому же, что Виктор Серж родился в Бельгии, я обратился к Вандервельде⁸ и бельгийским социалистам. В конечном итоге эти усилия даром не пропали. Советам не удалось отпраздновать победу. Виктор Серж смог выехать из России. Известно, что он искал убежища в Мексике, как до него Лев Давидович Троцкий. Там Серж и умер – в изгнании, хотя успел опубликовать книгу о жизни заключенных в Советском Союзе, книгу, которую мне в статье, вышедшей в 1939 году⁹, довелось сравнить с «Записками из Мертвого дома», – книгу со странным названием «Полночь века»¹⁰, которая, однако, позволяет поставить ее автора в первый ряд писателей этих проклятых лет.

Надо добавить, что в 1933 году Виктор Серж передал троим из своих парижских друзей письмо (я не был среди них, так как находился далеко от политической грызни и клановых тайн), копию которого он направил и мне, где он сурово осуждает внутреннюю политику России и где он, например, пишет: «Социализм постепенно перенял множество обычаев древней Руси, он продолжает традиции, идущие от Ивана Грозного... Все то же отношение к человеку, та же убийственная нетерпимость, та же неспособность к развитию, тот же страх свободы, тот же правительственный и бюрократический фанатизм, тот же произвол на всех ступенях общественной иерархии, то же неумолимое и коварное принуждение»¹¹.

Перевод выполнен по изд.: Duhamel G. *Les espoirs et les épreuves. Lumières sur ma vie*. T. V. Paris: Mercure de France, 1953, pp. 225–228. Жорж Дюамель (1884–1966) общался с В. Сержем в Ленинграде во время своего путешествия в СССР весной 1926 г.

¹ В юности в бытность редактором журнала «Анархия» (*Anarchie*) В. Серж был обвинен как сообщник «банды Бонно» и приговорен в 1913 г. к 5 годам лишения свободы. Жюль Жозеф Бонно (1876–1912), французский анархист, последователь иллегализма и сторонник индивидуальной экспроприации, занимался «эксами» банков.

² В Ленинграде В. Серж с женой и сыном в это время жил в коммунальной квартире по адресу ул. Желябова д. 19, кв. 4, где кроме Ж. Дюамеля бывали разные иностранные посетители, например, П. Истрати.

³ См. главу «Дело Русакова» в книге П. Истрати «К другому пламени» (*Istrati P. Vers l'autre flamme: Après seize mois en URSS. Confession pour vaincus*; 1929): в ней подробно рассказывается история тяжбы в коммунальной квартире, где жил В. Серж, и связанное с ней дело его тестя А.И. Русакова, жившего вместе с ним. Благодаря книге П. Истрати о возмутительном деле Русакова узнали во Франции.

судьба виктора сержа как переводчика

⁴ Ж. Дюамель цитирует свою статью о В. Серже «Цена человека» (Duhamel G. *Le prix d'un homme*, *Oeuvre*, 20 mai 1933). Эта статья положила начало прогрессивному на Западе делу Виктора Сержа, в защиту которого выступали разные деятели культуры – вплоть до 1936 г., когда опального писателя выслали из СССР.

⁵ Duhamel Georges. *Le Prix d'un homme*, *L'œuvre*, 23 mai 1933.

⁶ В 1933 г. французские интеллектуалы объединились в «Комитет за возвращение Виктора Сержа на родину», возглавляемый Магдаленой Маркс-Паз, в который входили Жорж Дюамель, Шарль Вильдрак, Жорж Пьюш, Леон Верт, Анри Пулай, Марсель Мартине.

⁷ Согласно каталогу BNF, статья Ж. Дюамеля с таким названием существует в рукописи и хранится в библиотеке в его фонде (NAF 28275) в разделе «Статьи» и числится среди неопубликованных.

⁸ Вандервельде Эмиль (Vandervelde Émile, 1866–1938) — бельгийский государственный деятель, министр иностранных дел Бельгии (1925–1927). Играл значительную роль в международном социалистическом движении.

⁹ Статья Ж. Дюамеля не обнаружена.

¹⁰ Первое издание романа В. Сержа «Полночь века» – Serge V. *S'il est minuit dans le siècle*. Paris: Grasset, 1939.

¹¹ Письмо В. Сержа было написано в Москве 1 февраля 1933 г. и нелегально переслано в Париж супругам Паз, М. Мартине и Ж. Менилю. Автограф хранится в фонде М. Мартине в BNF. Это письмо называют «завещанием» В. Сержа. Начиная с первой полной публикации в брошюре «16 расстрелянных, куда идет Русская революция?» (*16 fusillés, où va la Révolution russe?* Paris: Editions Spartacus, 1936), его неоднократно перепечатавали. С французским текстом можно познакомиться: <https://www.revue-ballast.fr/la-lettre-testament-de-victor-serge/>. В связи с кампанией в прессе в защиту Сержа Ж. Дюамель отметил в своем дневнике в мае 1933 г.: «Я встретился с Мартине, чтобы получить от него дополнительные сведения, так как не получал от Сержа писем уже 8–10 месяцев. <...> Мартине мне передал письмо, которое Серж сумел доставить нескольким друзьям. Мартине заявил, что не может дать мне его на время. С моей точки зрения, этот документ был настолько значителен, что я захотел получить его копию. Мартине уступил» (Duhamel G. *Le livre de l'amertume. Journal 1925–1956*. Paris: Mercure de France, 1984, pp. 196–197). Сам М. Мартине опубликовал в июне 1933 г. в *La grande revue* статью «Куда идет Русская революция? Дело Виктора Сержа» (*Où va la Révolution russe ? L'Affaire Victor Serge*).

Перевод с франц. и примечания Е.А. Легеньковой

Дата поступления в редакцию: 26.06.2021

Дата публикации: 20.11.2021

Received: 26.06.2021

Published: 20.11.2021